

РАНХиГС
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

И. Н. Барциц

КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПАТРИОТИЗМ

*Четыре европейские реинкарнации
и российская версия*

| Издательский дом ДЕЛО |
Москва | 2018

УДК 342
ББК 67
Б26

Об авторе:

Игорь Нязбеевич Барциц, доктор юридических наук, профессор,
директор Института государственной службы и управления РАНХиГС

Igor Bartsits, Doctor of Laws, Professor, Director of Institute
of state service and management Russian presidential Academy
of national economy and public administration (Russian Federation)
119571, Moscow, Vernadsky av, 82).
E-mail: in.bartsits@migsu.ranepa.ru

Барциц, И. Н.

Б26 Конституционный патриотизм: четыре европейские реинкарнации и российская версия / И. Н. Барциц. — М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. — 92 с. (Научные доклады: государство и право)

ISBN 978-5-7749-1416-6

УДК 342
ББК 67

В докладе применительно к интересам и потребностям конституционно-правового развития России раскрывается содержание теории конституционного патриотизма. Особо внимательно рассматриваются взгляды немецких правоведов и философов как родоначальников данной правовой теории. На основе подробного анализа зарубежных источников, раскрывающих содержание и предназначение конституционного патриотизма, опыта обращения к данной концепции применительно к задачам государственного развития целого ряда стран, формирования общей идентичности Европейского союза исследуются перспективы его применения в государственно-правовой доктрине Российской Федерации и за рубежом.

ISBN 978-5-7749-1416-6

© ФГБОУ ВО «Российская академия
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации», 2018

Содержание

Введение	7
«Отцы-основатели» доктрины конституционного патриотизма и Юрген Хабермас	12
Конституционный патриотизм как описание воссоединения Германии.	22
Понятие и содержание конституционного патриотизма	28
Гражданский патриотизм	34
Конституционный национализм	46
Конституционный патриотизм как европейская абстракция	53
«Обучающийся суверен»: конституционному патриотизму следует учиться	61
Конституционный патриотизм: российская версия	75
Послесловие. «Не слишком ли хороши устремления конституционного патриотизма, чтобы быть правдой?»	87

Конституционные принципы могут укорениться в сердцах граждан, уже имеющих хороший опыт демократических институтов и привычку к условиям политической свободы. Так они учатся — в господствующем национальном контексте — понимать республику и ее Конституцию как достижение. Без исторического, сознательно сформированного видения патриотические узы, исходящие из Конституции и связывающие с ней, не сложатся. Так как эти узы, например, связаны с гордостью успехами движения за гражданские права.

Ю. Хабермас¹

Самое острое, что я слышал, — это чтение нашей Конституции по радио — страшно будоражит и делает человеком. Это сильнее Чехова и Достоевского... Художественным произведением вы можете восторгаться, наслаждаться, любоваться, даже питаться, но не можете требовать его для себя... К тому, что в Библии, надо стремиться, очищаться, улучшаться, и вы всегда в начале пути. Когда бы вы не открыли и в каком бы месте. Для Библии вы должны измениться. Для Конституции — нет. Нет! Нет!

М. Жванецкий²

¹ *Habermas J. The Burdens of the Double Past // Dissent. V. 41. No. 4. Цит. по: Флиберг Б. Хабермас и Фуко — теоретики гражданского общества// Социологические исследования. 2000. № 2. С. 130.*

² Российская газета. 2006. 12 дек.

Введение

Среди задач преодоления неопределенностей государственного развития России значимое место занимает поиск государственной (национальной) идеи. Как правило, этот поиск сводится к сетованиям на отсутствие государственной идеологии, что, в свою очередь, вменяется в вину Конституции Российской Федерации 1993 года. Оправдывая бесполезность потуг формирования идейных основ развития государства и принципов взаимодействия государственных институтов и институтов гражданского общества, ссылаются на конституционное закрепление идеологического многообразия и конституционный запрет на установление некой идеологии в качестве государственной или обязательной (ст. 13 Конституции РФ).

Общепризнанным стало понимание, что, отвергнув с разрушением советской формы государственности практически весь перечень советских символов, идеологических ценностей, культурных легенд и социальных мифов, пришедшая к власти в начале 1990-х годов управленческая элита и поддерживавшие ее интеллектуалы не смогли предложить обществу достойной идейной замены. В ходе многочисленных дискуссий о новой националь-

ной идее России так и не удалось сформировать того набора ценностей, которые в новых экономических условиях могли бы конкурировать с ценностями общества потребления. Хотя объективно трудно что-то противопоставить призывам купить больше машин в год на тысячу населения, съесть больше тонн мороженого, мяса, овощей (перечень можно продолжать по номенклатуре товаров справочника товароведа).

Но в том-то и парадокс, что, восприняв идею потребления, российское общество не может этим удовлетвориться, оно продолжает нуждаться в иных целях. Задача выработки новых государственных ценностей до сих пор не решена. Отказавшись от «за Родину! за Сталина!», Россия объективно не может вернуться к триаде «Православная вера. Самодержавие. Народность»¹. А жить во имя и умирать за ценности конституции, республики, демократии, права человека и гражданское общество в нашей стране как-то не принято.

Наглядно подтверждает подобное признание исследование Института социологии Российской академии наук «О чем мечтают россияне». Среди основных ориентиров российского общества — справедливость². Более того, отмечается существенный приоритет «справедливости» над «правом» в восприятии россиян. Выделяя в качестве основных две компоненты, образующие «образ идеального будущего: 1) государство, государственное и внутривластное устройство страны; 2) социально-экономический строй, цивилизационные и культурные

ценности»¹, — авторы доклада демонстрируют полную неспособность к анализу государственно-правовых составляющих, концентрируясь на социально-экономических аспектах. Термин «конституция» не упоминается в докладе ни разу, само понятие «право» приводится лишь в контексте «прав человека», «равных прав для всех». Чем вызвано подобное игнорирование конституционно-правовых ценностей, самой концепции правового государства: недопониманием конкретных социологов или же действительной незначимостью для российского общества?

Практически общепризнано, что Конституция сыграла существенную стабилизирующую роль: Конституция Российской Федерации — основной символ новейшей истории России — объективно способствовала выходу страны из тяжелейшего государственно-правового кризиса осени 1993 года. Была ли закреплённая Конституцией 1993 года победа одних политических сил над другими безоговорочной? Вряд ли. За принятие Конституции высказалось 58,43%, против — 41,57% проголосовавших. Но при этом «да» Конституции сказали 32 937 630 участников всенародного голосования, при том что российский электорат на тот момент включал 106 170 835 граждан России (в голосовании приняли участие 58 187 755 человек, или 54,81% граждан, имеющих право голоса). Была ли победа абсолютной? Однозначно да. Сработал мажоритарный принцип — победитель получает все. Именно победители 12 декабря 1993 года определили направление развития России в новейшей истории. Именно Конституция 1993 года задавала политические и государственно-правовые рамки развития страны, ее экономики, формирования гражданского общества, демократических начал.

Закрепив сложившееся в начале 1990-х годов в России соотношение политических сил, Конституция Российской Федерации обозначила конституционно-правовые принципы разрешения основных проблем российской государственности, среди которых были:

¹ «Углубляясь в рассмотрение предмета и изыскивая те начала, которые составляют собственность России (а каждая земля, каждый народ имеет таковой Палладиум), открывается ясно, что таковых начал, без коих Россия не может благоденствовать, усиливаться, жить, имеем мы три главных: 1) Православная вера. 2) Самодержавие. 3) Народность» — так изложил принципы государственной идеологии Российской империи С. С. Уваров в своем докладе «О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством Народного Просвещения» (19 ноября 1833 г.) Николаю I при вступлении в должность министра народного просвещения.

² О чем мечтают россияне (размышления социологов): аналитический доклад (подготовлен в сотрудничестве с Представительством Фонда имени Фридриха Эберта в Российской Федерации). М.: Институт социологии РАН, 2012. С. 30–41.

¹ О чем мечтают россияне (размышления социологов): аналитический доклад. С. 42.

- 1) несоответствие природы государственного устройства России задачам сохранения территориальной целостности и однородности правового пространства государства;
- 2) отсутствие единства в определении как внешних территориальных пределов современного российского государства, так и принципов его внутригосударственного деления;
- 3) недостаточная степень интеграции российского общества: этнической, политической, социальной;
- 4) несовершенство системы государственного управления;
- 5) отсутствие юридических механизмов, обеспечивающих единство государственной власти страны.

Преодолению названных проблем во многом и была посвящена новейшая конституционная история России.

Конституция 1993 года как основополагающий политико-правовой документ выполняет различные функции, под которыми понимаются основные направления ее действия. Прежде всего она выполнила свою учредительную функцию в обоих ее пониманиях: во-первых, были образованы новые властные институты; во-вторых, уже существовавшие получили подтверждение своей легитимности и были наполнены новым содержанием.

Стал очевиден цивилизационный выбор России, конституционно закрепившей в качестве цели построение демократического правового социального государства. Конституция Российской Федерации 1993 года учредила в стране демократическую модель организации государственной власти с учетом принципа разделения властей в его функциональном понимании, сформировала необходимый для государственного развития каркас институтов власти. Конституция как акт учредительной власти создала и придала легитимный характер не только государственным институтам, но и институтам экономики, институтам гражданского общества.

Но в том и состоит особенность конституционного регулирования, что конституция и развивающие ее нормативные акты закрепляют конституционные доктрины и по преимуществу формальные правовые институты — правовые статусы и организационные структуры. Сама конституция и формируемый ею конституционный строй нуждаются в системе мер общегосу-

дарственной, общенациональной, общегражданской поддержки. Такая система мер предполагается теорией конституционного патриотизма.

Здесь следует отметить определенные исторические параллели между принятием Основного закона Федеративной Республики Германии в мае 1949 года и Конституции Российской Федерации в декабре 1993 года. Россия принимала свою Конституцию в условиях поражения, правда, не в «горячей», а в «холодной» войне, в условиях разрушения формировавшейся тысячелетие государственности, жесточайшего экономического кризиса, необходимости преодоления последствий тоталитарного коммунистического режима. Схожесть политических и исторических условий принятия основополагающих конституционных актов ФРГ 1949 года и Российской Федерации 1993 года наряду с исторической привязанностью России к германским правовым теориям и моделям обуславливает внимание к идее конституционного патриотизма в качестве привлекательной объединяющей основы как для Российского государства, так и для ее граждан.

«Отцы-основатели» доктрины конституционного патриотизма и Юрген Хабермас

Конституционный патриотизм в виде осмысленного понятия впервые прозвучал в послевоенной Германии — стране, разделенной сначала на оккупационные зоны, а затем и на два враждебных друг другу государства, стране, сформировавшей великую государственно-правовую теорию, но не имевшей в то время ни возможности, ни смелости воспользоваться многими из своих юридических конструкций.

Единоличным отцом-основателем теории конституционного патриотизма нередко ошибочно представляют германского философа Юргена Хабермаса, скрупулезно раскрывшего ее элементы в работе «Гражданство и национальная идентичность»¹. Хотя сам Ю. Хабермас благородно и впол-

¹ *Habermas J. Staatsbürgerschaft und nationale Identität // Faktizität und Geltung. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1992; см. также: Habermas J. Citizenship and National Identity: Some Reflections on the Future of Europe // Beiner R. (ed.) Theorising Citizenship. Albany: SUNY Press, 1995. P. 255–282; Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy. Oxford: Polity, 1996; The Inclusion of the Other. Cambridge: Polity, 1998; Reply to Symposium Participants: Benjamin N. Cardozo School of Law // Rosenfeld A. and Arato A. (eds.) Habermas on Law and Democracy. Berkeley and Los Angeles: University of*

не обоснованно отдает приоритет формулирования понятия «конституционный патриотизм» (*Verfassungspatriotismus*) двум своим соотечественникам — Карлу Ясперсу (1883–1969) и Дольфу Штернбергеру (1907–1989)¹.

Именно в работе профессора философии Гейдельбергского университета, «Учителя Германии» («*Praeceptor Germaniae*»)² Карла Теодора Ясперса «Вопрос вины» («*Die Schuldfrage*» (1946), «*The question of German guilt*» (1947))³ исследователи находят истоки доктрины конституционного патриотизма. Ясперс считал, что Германия не сможет восстановить свою государственную национальную идентичность, если не возьмет коллективную ответственность за прошлое. В «постоянно оспариваемой памяти» («*continuously contested memory*») Ясперс увидел основу новой национальной солидарности немцев⁴.

Отвергая принцип «коллективной вины» немецкого народа, Ясперс расценивал проблему вины как «жизненно важный вопрос для немецкой души. Никакой другой путь не может привести нас к духовному возрождению <...> То, что победители нас

California Press, 1998. P. 381–444; *The Postnational Constellation: Political Essays. Cambridge: Polity, 2001; Why Europe Needs a Constitution // New Left Review. 2001. 11: 5–26; The Divided West. Cambridge: Polity, 2006; A Political Constitution for the Pluralist World Society? // Brown G. W. and Held D. (eds.) The Cosmopolitan Reader. Cambridge: Polity, 2010. P. 267–288.*

¹ Дольф Штернбергер — ученик Ханны Арендт (выросшая в Кенигсберге немецко-американский философ еврейского происхождения). Ханна Арендт — ученица Карла Ясперса (при нацистах был лишен звания профессора, моральный лидер немецких философов в послевоенное время) и Мартина Хайдеггера (убежденный член НСДАП с 1933 по 1945 г., прошел денацификацию). Ясперс после 1933 г. утверждал, что не имеет ничего общего с Хайдеггером. Запутанность взаимоотношений немецких философов подтверждает романтическая интеллектуальная переписка М. Хайдеггера и Х. Арендт. См.: Арендт Х., Хайдеггер М. Письма 1925–1975 и другие свидетельства / пер. А. Григорьева. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016.

² Неофициальный титул «Учитель Германии» закрепился в германском дискурсе за Филиппом Меланхтоном (1497–1560), но, учитывая вклад К. Т. Ясперса в развитие науки, многие его коллеги сочли возможным называть его так же.

³ *Jaspers K. The question of German guilt. New York: The Dial Press, 1947.*

⁴ *Müller J.-W. Constitutional Patriotism. Princeton: Princeton University Press, 2007. P. 16–18.*

осудили, — политический факт, который имеет значительные последствия для нашей жизни, но это не помогает нам в решающем вопросе, в нашем внутреннем духовном возрождении. Здесь мы имеем дело с самими собой»¹.

В 1966 году Карл Ясперс так проанализирует двадцатилетие, прошедшее после поражения Германии во Второй мировой войне:

В 1945 г. перед нами стояла нравственно-политическая задача основать новое государство. Эта задача до сих пор не выполнена. Федеративная Республика Германии² хотя и создана немцами, но по заданию союзников. Некоторые из этих немцев были уполномочены на то ими, а не немецким народом³.

«На Основной закон наложило отпечаток воспоминание о несчастьях времен нацизма, он учитывает обстоятельства, приведшие к 1933 г., возлагает вину на Веймарскую конституцию и предусматривает меры... к неповторению этого. Поэтому его... ведущая идея — недоверие к народу»⁴.

Ясперс обозначает важнейшие для понимания конституционного развития Германии факторы, которые надлежит иметь в виду и при оценке формирования и применения в Германии доктрины конституционного патриотизма:

- а) не умаляя роли Веймарской конституции для развития конституционализма в Германии, ее вклада в конституционно-правовую мысль и конституционный опыт, обращение к опыту и наработкам Веймарской конституции считалось недопустимым, учитывая, что именно ее правовые процедуры обусловили возможность легального прихода фашизма к власти;

¹ Jaspers K. The question of German guilt. P. 28.

² Следует обратить внимание на важную лингвистическую деталь: до 1990 года в СССР ФРГ именовалась «Федеративная Республика Германии», что подчеркивало наличие «другой» Германии — Германской Демократической Республики. С 1990 года аббревиатура «ФРГ» раскрывается как «Федеративная Республика Германия».

³ Ясперс К. Куда движется ФРГ? // Карл Ясперс. М., 1969. С. 66.

⁴ Там же.

- б) Основной закон ФРГ 1949 года является в известном смысле навязанным правовым документом, его конструкции были разработаны и приняты в условиях разделения Германии на оккупационные зоны, более того, оккупационные власти оказывали на этот процесс самое прямое и непосредственное воздействие;
- в) Основной закон принимался в условиях национального поражения: недоверия к стране и ее народу со стороны держав-победительниц и соседей.

Авторству Д. Штернбергера принадлежат и сам термин «конституционный патриотизм», и его раскрытие. Он обуславливает выживание демократии готовностью граждан защищать ценности своей демократической конституции, для чего необходима идентификация граждан со своей конституцией, то есть чувство конституционного патриотизма. При этом требования конституционного патриотизма как бы вычлениваются из более широкого политического и культурного контекста, выделяются основные, универсальные принципы, обязательства лояльности которым и предьявляются гражданину.

Понятие «конституционный патриотизм» — своеобразный подарок Д. Штернбергера ФРГ на ее тридцатилетие: 23 мая 1979 года, в день основания Федеративной Республики Германии и вступления в силу Основного закона страны (1949), в газете «Frankfurter Allgemeine Zeitung» он публикует статью «Verfassungspatriotismus» («Конституционный патриотизм»)¹. Размышлял о «патриотических чувствах к конституционному государству» Штернбергер уже значительно раньше (в 1959 году), а чуть позднее ввел труднопереводимое на русский язык понятие «Staatsfreundschaft», предполагающее дружеское, братское отношение человека к государству, включающее «страстную рациональность» их взаимоотношений, при котором граждане рассматривают свою национальную иден-

¹ Sternberger D. Verfassungspatriotismus [Constitutional Patriotism] // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 1979. May 23.

тичность через чувство привязанности к демократическому государству (ну, как-то так, если в двух словах)¹.

В своей первой инкарнации конституционный патриотизм есть патриотическая приверженность демократической «конституции» Западной Германии.

Штернбергер прообраз конституционного патриотизма находит в эпохе, предшествовавшей созданию национальных государств. Вполне логично, что в эпоху донациональных государств нельзя говорить о патриотизме подданных в отношении таковых. Из вполне логичного тезиса тем не менее следует чрезмерно идеалистический вывод, что патриотизм до создания национальных государств (по сути до конца XVIII века) основывался на общем отношении населения к законам (вероятно, понимаемым в контексте традиционного обычного права) и неким общим свободам. Идеализм конструкции обусловлен тем, что в основу своего тезиса Штернбергер положил аристотелевскую традицию философии, которую в формате республиканизма проводила учитель Штернбергера Ханна Арендт. Таким образом, Штернбергер приводит нас к выводу, что доктрина конституционного патриотизма возвращает, если угодно, в исходное состояние, во времена, когда еще не существовало национализма в формате «кровного» этнического родства. С подобным идеализмом чрезвычайно трудно согласиться, ведь исторический опыт большинства народов приводит яркие доказательства, что в донациональную эпоху патриотизм выражался в не менее, если не более, страшных, жестоких и кровавых формах, а объединяющим началом служили чрезвычайно разнообразные феномены, но уж никак не «право», «свободы», «ценности».

От подобного приукрашивания истории оказался свободен Ю. Хабермас в своем формулировании принципов становления «посттрадиционного общества». Он предлагает не возвращение к донациональным формам сосуществования людей, а переосмысление национальных (этнических) традиций в пользу принципов универсализма. На вопрос, где же найти подобные

¹ Sternberger D. Staatsfreundschaft [Schriften IV]. Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1980.

универсальные, объединяющие членов общества принципы, Хабермас отсылает к конституционным положениям и конституционным нормам, что ни в коей мере не означает уход от национальных традиций, религиозных взглядов, социальной философии того или иного общества, а, напротив, предполагает переосмысление, переживание, просеивание этих взглядов, традиций, философий в контексте их соответствия конституционным ценностям. В ходе просеивания возможно, что одна часть взглядов и традиций будет сохранена и они будут продолжены в постнациональном обществе, а другая останется в сите истории, общество должно будет их помнить, но обращаться к ним лишь за поддержкой правильности вывода об избавлении от них.

Следуя традиции Штернбергера, Хабермас проповедует рационалистичный подход к процессу просеивания национальных ценностей. В ходе этой «рационализации коллективных идентичностей» общество приходит к замене национального патриотизма, предполагающего, что все доставшееся от прошлого наследие представляет безусловную ценность хотя бы по самому факту, что к нему прикасались наши предки, конституционным патриотизмом, обязывающим к критическому осмыслению любого наследия на предмет его соответствия универсальным принципам.

Конкретная фамилия исследователя, первым озвучившего концепцию конституционного патриотизма, имеет несравненно меньшее значение, нежели понимание исторических условий ее появления и государственных интересов, которые она была призвана обслуживать. И тем не менее очевидно преимущество в восприятии авторства доктрины конституционного патриотизма за Ю. Хабермасом, что еще раз наглядно подтверждает значимость своевременного перевода научных трудов на английский язык. За Хабермасом также первенство в адаптации доктрины к практическим потребностям в ходе объединения Германии и приведении ее в соответствие с форматом европейской идентичности.

Действительно, роль Хабермаса в утверждении концепции конституционного патриотизма как политической и правовой теории столь велика, что за пределами Германии обсуждение

данной концепции популяризировано именно через переводы Хабермаса, последующих дискуссий и критики изложенных им установок. В ходе этих дискуссий доктрина конституционного патриотизма сначала оторвалась от своего послевоенного дискурса и практического контекста обслуживания процесса германского воссоединения, для которых, собственно, и задумывалась, а затем вышла далеко за рамки концепта подведения конституционно-правового фундамента под процессы европейской интеграции.

Ясперсу, Штернбергеру и Хабермасу удалось сформулировать и представить Германии и миру концепцию, которая, с одной стороны, имела важное внутригерманское значение, ответила на существенные вопросы формирования послевоенной германской национальной идентичности, позволила вывести германское общество из состояния идеологического хаоса, уйти от соблазна замалчивания («*Verschweigerung*»), отказаться от позиции «желание точно не знать» («*Nicht-genau-wissen-Wollen*»), провести не формальную, а существенную денацификацию, с другой — удовлетворила внешние силы, вселив в них надежду на возможность преодоления Германией нацистского наследия. Именно в этой концепции создатели Основного закона Германии 1947 года и всей конституционно-правовой модели нашли точку опоры для государственного оптимизма: Германия принимает основной закон, с которым ей предстояло преодолеть наследие нацизма, выйти из оккупационного режима, сформировать сильнейшую экономику Европы, воссоединить страну и разрушить Берлинскую стену.

Столь успешная послевоенная история Германии тем не менее не отрицает верности самого понятия «постоянно оспариваемая память» («*continuously contested memory*»). Точность термина была подтверждена 40 лет спустя, когда в 1986 году в Германии развернулся «спор историков» («*Historikerstreit*») — крупнейшая дискуссия о восприятии нацистского прошлого¹. Дискуссию спровоцировала статья профессора Свободного университета Западного Берлина

¹ Подробнее см.: Кауганов Е. Дискурс национальной идентичности в послевоенной Германии // Очерки о европейской идентичности и много-

Э. Нольте во все той же газете «Франкфуртер альгемайне цайтунг» «Прошлое, которое не хочет проходить» («*Vergangenheit, die nicht vergehen will*»).

Группа известных германских историков (Эрнст Нольте, Мартин Броскат, Андреас Хильгрубер, Михаэль Штюрмер, Хаген Шульце, Клаус Хильдебранд, Иоахим Фест и др.) представила позицию, что преступления нацизма не являются чем-то экстраординарным и находятся в ряду массовых преступлений XX века: Гражданская война в России после Октябрьской революции и сталинские репрессии, геноцид армян в Турции, многочисленные войны, в том числе США во Вьетнаме, и т. п. Поборники обеления фашизма выводили первопричину появления фашизма из Октябрьской революции, а агрессию Гитлера представляли в качестве превентивной меры потенциального нападения коммунистического Советского Союза на западный мир: тем самым вплоть до 1945 года Гитлер якобы выполнял историческую миссию защиты западного мира от коммунистической заразы. Ведущим внутригерманским лозунгом данной позиции предлагались избавление от комплекса вины и «нормализация» немецкой национальной идентичности.

На противостояние реваншистам решилась группа либеральных историков во главе с Хабермасом (Ганс и Вольфганг Моммзены, Рудольф Аугштайн, Генрих Винклер, Курт Зонтхаймер и др.), которые обосновали невозможность возвращения к так называемой *нормальной* исторической немецкой национальной идентичности.

Свой ответ с подзаголовком «Апологетические тенденции в германской историографии новейшего времени» на статью Э. Нольте Хабермас опубликовал в газете «Ди цайт» («*Die Zeit*») в июле 1986 года. По мнению Хабермаса, в основу национальной идентичности немцев может быть положен только конституционный патриотизм, немецкие национальные традиции не могут существовать «без критического рассмотрения, но принимаются только в результате критического осмысления и само-

культурности: сборник / под ред. М. Ю. Мартыновой. М.: ИЭА РАН, 2013. С. 11–73.

критики»¹. «Кто хочет вернуть немцев к традиционной форме их национальной идентичности, разрушает единственное надежное основание нашей связи с Западом»².

Одними из завершающих статью слов Хабермаса были:

Укорененная в убеждениях людей приверженность универсальным конституционным принципам, к сожалению, смогла сформироваться <...> лишь после — и через — Освенцим³.

Патриотизм, основанный на памяти об Освенциме, получил от Э. Майера специальное определение — «негативный патриотизм»⁴ — и вошел в общественно-политический дискурс Германии:

Все демократии имеют базис, основу. Для Франции это 1789 год (Великая французская революция), для США — Декларация независимости, для Испании — Гражданская война. Для Германии этой основой является Освенцим. И это может быть только Освенцим и память об Освенциме, никогда-больше-Освенцим (Nie-mehr-Auschwitz) может быть, с моей точки зрения, единственным фундаментом Берлинской республики⁵.

*Йошка Фишер, вице-канцлер
и министр иностранных дел ФРГ
в 1998–2005 гг. (1999).*

¹ Kühnl R. Vergangenheit, die nicht vergeht. Die Historiker-Debatte Dokumentation, Darstellung und Kritik. Kln: Pahl-Rugenstein Verlag, 1987. S. 281.

² Ibid. S. 282.

³ Kühnl R. Vergangenheit, die nicht vergeht. Die Historiker-Debatte Dokumentation, Darstellung und Kritik. S. 50. Цит. по: Рулинский В. В. Спор историков в Германии: проблема ответственности за нацистские преступления // Вестник славянских культур. 2013. Т. 27. № 1. С. 45–56, С. 51.

⁴ Giesen B. (Hrsg.) Nationale und kulturelle Identität.: Studien zur Entwicklung des kollektiven Bewußtseins in der Neuzeit. Frankfurt am Main, 1991. S. 88. Цит. по: Кауганов Е. Дискурс национальной идентичности в послевоенной Германии: очерки о европейской идентичности и многокультурности: сборник / под ред. М. Ю. Мартыновой. М.: ИЭА РАН, 2013. С. 11–73, С. 58.

⁵ Цит. по: Assmann A., Frevert U. Geschichtsvergessenheit — Geschichtsversessenheit. Vom Umgang mit deutschen Vergangenheiten nach 1945. Stuttgart, 1999. S. 412.

Тот, кто сегодня думает о Германии и ищет ответы на немецкий вопрос, должен также думать и об Освенциме¹.

*Гюнтер Грасс, лауреат Нобелевской премии
по литературе за 1999 год (2000).*

Понятие конституционного патриотизма было сформировано в целях защиты немецкого общества от пагубного влияния сильного этнического национализма². Это объединяющая всю германскую нацию модель патриотизма, основывающегося на таких понятиях, как «право» и «гражданственность», то есть на «идентичности гражданства» в противовес «идентичности крови», этнической идентичности.

Идея конституционного патриотизма в Германии пережила те конкретные цели, для которых была изобретена: как замена «правильной» национальной идентичности, которая должна была стать, как заявлялось, ненужной после объединения государства³. Если изначально, в утилитарном политическом применении, данная концепция была призвана выступить либерально-демократической альтернативой национального (этнического) патриотизма, то исключительно быстро она была приспособлена к решению главного события новейшей немецкой истории.

Речь идет о второй инкарнации конституционного патриотизма — описании воссоединения Германии.

¹ Цит. по: Frei N. 1945 und wir. Das Dritte Reich im Bewußtsein der Deutschen. München, 2005. S. 285.

² Reinkowski M. Constitutional Patriotism in Lebanon // New perspectives on Turkey. 1997. No 16. P. 71.

³ Müller J.-W. Three Objections to Constitutional Patriotism // Constellations. 2007. Vol. 14. No 2. P. 195.

Конституционный патриотизм как описание воссоединения Германии

«Хабермас, — утверждает Бернхард Як, — использует эту идею, чтобы дать бой возрождающемуся после воссоединения Германии этническому шовинизму»¹:

Он противопоставляет два способа характеризовать включение восточногерманских земель в Федеративную Республику: с одной стороны — восстановление «демократии и правового государства на той территории, где начиная с 1933 года гражданские права были так или иначе лишены силы»². Защита Хабермасом конституционного патриотизма — это в значительной мере защита второго, чисто гражданского описания воссоединения Германии³.

Ключевым в представленной цитате является слово «описание»: доктрина конституционного патриотизма в реальности выступила лишь описанием

¹ Як Б. Национализм и моральная психология сообщества / пер с англ. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2017. С. 67.

² Habermas. Citizenship and National Identity (Гражданство и национальная идентичность // Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. М.: КАМІ -ACADEMIA, 1995. С. 211.

³ Як Б. Национализм и моральная психология сообщества. С. 67.

процесса включения ГДР в состав единой Федеративной республики, а не характеристикой сути этого процесса. Доктрина конституционного патриотизма в контексте оценки ситуации конца 1980-х — начала 1990-х годов вполне заслужила право считаться конституционным мифом (мифом в положительном смысле, объединяющим общество и граждан в восприятии своего исторического прошлого)¹.

Объединение Германии — результат сочетания массового народного движения в Восточной Германии и решительности политического руководства ФРГ во главе с Г. Колем. Именно эти две силы выступили субъектами политики объединения. Напротив, политическое руководство ГДР и население ФРГ оказались в роли ее объектов: пока одни (лидеры ГДР) судорожно пытались сдержать ход истории, другие (западные немцы) наблюдали за этим ходом по телевидению.

Что обусловило стремление граждан ГДР всеми правдами и неправдами оказаться в Западном Берлине или в ФРГ? Ради чего они просили убежища в посольствах ФРГ в Будапеште и Вене в мае 1989 года? Почему миллионы граждан социалистического немецкого государства вышли осенью 1989 года на улицы Дрездена, Берлина и Лейпцига с вполне перестроечным лозунгом «Wir sind ein Volk» («Мы — народ»), а спустя год трансформировали его в «Wir sind das Volk» («Мы — один народ»)? Создатели мифов полагают, что они «вышли на улицы не ради восстановления немецкого национального государства, а потому, что хотели стать свободными, стремились жить в государстве без номенклатуры и привилегий, в государстве, в котором все равны перед законом; они хотели жить в братском обществе, обществе социальной справедливости, где нет места для эксплуатации человека человеком»². При этом используемые выражения «братское общество», «общество социальной спра-

¹ Подробнее см.: Барциц И. Н. Конституционные мифы и конституционные иллюзии: о героическом прошлом и лучшем будущем. М.: Дело, 2018.

² Гайслер Х. Граждане, нация, республика — Европа и мультикультурное общество // Неприкосновенный запас. 2002. № 5; Geißler H. Bürger, Nation, Republik — Europa und die multikulturelle Gesellschaft // Die multikulturelle Herausforderung. Menschen über Grenzen — Grenzen über Menschen / Hrsg. von Bade K. München, 1996.

ведливости», «отсутствие эксплуатации человека человеком» — из восточногерманского идеологического словаря.

Возмущение тех, кто победил и добился объединения, ужасами, которые вершили сотрудники Министерства государственной безопасности ГДР (*Ministerium für Staatssicherheit*, неофициально сокр. *Stasi* — Штази), возможно, умерится после того, как станут доступны архивы действующих поныне Федеральной разведывательной службы Германии (*Bundesnachrichtendienst*, BND) и Федеральной службы защиты Конституции Германии (*Bundesamt für Verfassungsschutz*)¹.

Хотя, вероятно, основным мотивом жителей Восточной Германии был более высокий уровень жизни в ФРГ, а политической элитой ФРГ двигало понимание, насколько объединение усилит роль и значение единой Германии в мире во всех смыслах. Очевидно, что эти стремления всего лишь содействовали закономерному преодолению раздела Германии и избавлению немцев от клейма «разделенной» нации.

Приведенный выше сформулированный Ясперсом перечень важнейших для понимания конституционного развития Германии факторов, которые надлежит иметь в виду и при оценке формирования и применения в Германии доктрины конституционного патриотизма, можно дополнить еще двумя тезисами:

г) в послевоенную эпоху основной закон под названием «конституция» существовал лишь в Восточной Германии (Конституции 1949 года и 1968 года (с изменениями 1974 года)). Западная Германия, которая по праву сильно объявила конституционной историей только и исключительно развитие конституционной доктрины в рамках Основного закона ФРГ 1947 года, полностью отвергнув конституционный опыт Германской Демократической Республики (1949–1989), не имела собственно конституции, вернее, акта с таким названием;

¹ Следует признать, что к защите ценностей конституционного патриотизма Федеральная служба защиты Конституции имеет весьма отдаленное отношение, занимаясь контрразведывательной деятельностью, в том числе, по данным немецкой прессы, слежкой за гражданами ФРГ в интересах США, включая телефонное общение, интернет-переписку, электронную почту и т. д.

д) Основной закон Федеративной Республики Германии (*Grundgesetz*) 1949 года, согласно замыслу своих инициаторов и создателей, «действующий после достижения единства и свободы Германии для всего немецкого народа, прекратит свое действие (и) вступит в силу Конституция, принятая свободным решением немецкого народа» (ст. 146 Основного закона ФРГ 1949 года).

Но если поставленная Основным законом задача выполнена, почему же он сохраняет действие?¹ Не стремление ли полностью уничтожить любые позитивные воспоминания о прежней ГДР приводит к появлению «ностальгии»? Не является ли ошибочной с точки зрения интересов формирования нацией единых конституционных ценностей доктрина «двойного преодоления прошлого» (*Doppelte Vergangenheitsbewältigung*)?

В конце 1980-х — начале 1990-х годов концепция конституционного патриотизма была использована не только при включении территории ГДР в состав ФРГ, но и при оценке истории Германской Демократической Республики как неправового государства со всеми вытекающими из этого признания последствиями. Была сконструирована теория «двойного преодоления прошлого», предполагающая рефлекссию не только фашистского прошлого, но и восточно-германского коммунистического режима.

Подобное признание оправдало нарушение принципов правопреемства в отношении договоров при включении территории Германской Демократической Республики в состав Федеративной Республики Германии. Как известно, при объединении государств все их договоры сохраняют силу, но применяются в отношении той части территории объединенного государ-

¹ В. П. Серебренников задается откровенным вопросом «когда?», если в ст. 146 речь идет не о замене действующего Основного закона (*Grundgesetz*) новым временным Основным законом, а о его замене Конституцией (*Verfassung*) в точном смысле этого слова, причем в качестве постоянного, а не временного документа. Подробнее см.: *Серебренников В. П.* Об одной загадке Основного закона ФРГ 1949 года // Управление в социальных и экономических системах: материалы XX международной научно-практической конференции. Минск, 20 мая 2011 г. / под ред. Н. В. Суша и др. Минск: Минский ин-т управления, 2011. С. 313–317.

ства, в отношении которой они находились в силе в момент правопреемства. Исходя из признания ГДР неправовым государством, в связи с утратой ГДР своей правосубъектности использовалось положение, согласно которому международно-правовые договоры ГДР рассматривались с точки зрения обеспечения доверия, интересов участвующих государств и договорных обязательств ФРГ, а также с учетом компетенции европейских сообществ. Договоры ФРГ сохранили свою силу и распространили действие на территорию ГДР.

Напомним, что в конце 1989 года основным в процессе объединения Германии стало обсуждение юридической процедуры восстановления единого германского государства. Один из двух наиболее предпочтительных вариантов предусматривал «принятие свободным волеизъявлением немецкого народа»¹ конституции единого германского государства, другой — распространение действия Основного закона ФРГ 1949 года на присоединяемые территории в соответствии со ст. 23. Реализован был второй вариант о разделении территории ГДР на земли, которые и были включены в состав ФРГ. Статья 23 Основного закона ФРГ в первоначальной редакции гласила:

Настоящий Основной закон распространяется в первую очередь на территории земель Бадена, Баварии, Бремена, Большого Берлина, Гамбурга, Гессена, Нижней Саксонии, Северной Рейн-Вестфалии, Рейнланд-Пфальца, Шлезвиг-Гольштейна, Вюртемберг-Бадена и Вюртемберг-Гогенцоллерна. В остальных частях Германии он вступает в силу по их присоединении»².

¹ Конституции государств Европейского союза. Основной закон ФРГ. Вводная статья. М., 1997. С. 172.

² Несмотря на обвинения в откровенном реваншизме, германский законодатель сохранил эту статью в тексте Конституции. И уже в 1956 г. предусмотренный ею механизм был реализован при присоединении к ФРГ земли Саар, а в 1990-м — при поглощении ГДР. Договором между ФРГ и ГДР о восстановлении единства Германии от 31 августа 1990 г. ст. 23 Основного закона ФРГ была отменена в старой редакции. Закон от 21 декабря 1992 г. придал ей новое содержание: речь идет о роли ФРГ в процессе европейской интеграции.

Конечно, «ни конституционализм, ни патриотизм не были изобретены немцами»¹ вообще и тем более специально для решения задачи формирования своей национальной идентичности в послевоенное время. И все же конституционный патриотизм стал не только удобной конструкцией для осмысления германской истории второй половины XX века, но и существенным элементом политической системы страны и общественного сознания. Чрезмерная привязка к опыту и потребностям Германии в конкретные исторические периоды — один из весомых доводов противников доктрины конституционного патриотизма².

¹ Müller J.-W. A «Thick» Constitutional Patriotism for Europe? On Morality, Memory and Militancy // <http://www.princeton.edu/jmueller/CP-ThickCPEurope-JWMueller.pdf>. P. 4.

² Miller D. On Nationality. Oxford: Clarendon Press, 1995; Turner Ch. Jürgen Habermas: European or German? // *European Journal of Political Theory*. 2004. Vol. 3 (3). P. 293–314; Viroli M. For Love of Country. Oxford University Press. Oxford, 1995. P. 172–175.

Понятие и содержание конституционного патриотизма

Конституционный патриотизм может быть представлен и раскрыт в двух значениях:

- 1) как вид идеологии патриотизма, при котором граждане государства связаны между собой посредством принятия демократических ценностей и прав человека, а не через традиционные предполитические связи¹. В рамках этого подхода происходит переориентирование лояльности граждан от ограниченной лояльности к лояльности нации в целом и конституции. Конституционный патриотизм основывается на принятии гражданами конкретного конституционного строя не как воплощения отдельных этнокультурных или даже государственных ценностей, а скорее как выражения универсальных политических принципов², которые вместе с тем не противоречат национальным ценностям;

¹ *Fossum J. E. On the Prospects for a Viable Constitutional Patriotism in Complex Multinational Entities: Canada and the European Union Compared / Annual Conference of the Canadian Political Science Association. Saskatoon, 2007. P. 2.*

² *Oklopčic Z. The Territorial Challenge: From Constitutional Patriotism to Unencumbered Agonism in Bosnia and Herzegovina // German Law Journal. 2012. Vol. 13. No 1. P. 23.*

- 2) как характеристика конституции, отражающая ее направленность на признание, обеспечение, охрану и защиту государственно-правовых ценностей, прежде всего ценностей демократии и гражданских прав. В этом своем понимании конституционный патриотизм выступает как основа ценностей правового государства, справедливого государства, как средство разрешения актуальных государственных проблем.

Можно утверждать, что в контексте доктрины конституционного патриотизма лучшей основой совместного существования граждан является идеальная (то есть необязательно писанная) конституция как одинаково понимаемые и разделяемые всеми членами сообщества ценности и правила. «Голос крови», культурные традиции — феномены нерациональные, они не могут быть основой такого патриотизма, который действительно является проявлением заботы об общем благе, что для сторонников этой теории, видимо, и есть любовь к Родине.

Данному подходу вполне обоснованно можно возразить, что консенсус относительно базовых ценностей и правил — крайне нестабильное либо вообще вымышленное состояние общества. Но подобные возражения в свою очередь перекрываются трактовкой конституции как идеальной модели рациональности, которая в сравнении с собой помогает оценить реальное состояние дел и определяет направление развития нерациональных элементов до уровня рациональности.

Конституционный патриотизм не направлен исключительно на замену национализма. Его не следует рассматривать только и исключительно как спасительную гавань для ухода от национализма, пусть и в патриотической трактовке, к несомненно более либеральному проекту. Но и либеральную составляющую доктрины конституционного патриотизма нельзя недооценивать. И все же преобладающим началом в доктрине конституционного патриотизма предстает рационализм.

Таким образом, при всей кажущейся идеалистичности концепции конституционного патриотизма за ней скрывается представление о социальном субъекте как рациональном индивиде (их множестве). Рациональность при этом понимается в свойственном классической европейской социальной мысли стиле: ориентация на личную выгоду в самом широком смысле

слова, самостоятельность («отдельность»), развитие самосознание, опора на логику в принятии решений.

Конституция — это способ существования народа, им самим (каждым из рациональных индивидов, его составляющих) выбранный, это устройство, организация государственной жизни.

Утопично, но в качестве идеальной модели исключительно полезно.

Ряды современных сторонников концепции конституционного патриотизма возглавляют профессор Принстонского университета Ян-Вернер Мюллер (Jan-Werner Müller) и профессор норвежского Центра европейских исследований Джон Фоссум (John Erik Fossum), которые наполнили доктрину конституционного патриотизма содержанием, далеко выходящим за рамки сконструированной Штернбергером и Хабермасом модели.

Ян-Вернер Мюллер считает, что в настоящее время не существует какого-либо единого философско-правового определения конституционного патриотизма¹, отмечая вместе с тем значение этой концепции и утверждая, что конституционный патриотизм служит источником доверия граждан к публичным полномочиям, концептуализируя убеждения и намерения, требуемые от граждан для сохранения определенной формы политического правления. Выражение «конституционный патриотизм» обозначает идею о том, что политическая верность должна основываться на нормах, ценностях, а также процедурах демократической конституции². Это патриотизм, основанный не на общности истории или этнического происхождения, но на общих, разделяемых всеми принципах, зафиксированных в конституции.

Мюллер ставит три частных вопроса, ответы на которые позволяют проанализировать основные черты доктрины конституционного патриотизма: «Могут ли члены порочного режима, такого как Третий рейх, быть конституционными патриотами?»

¹ Müller J.-W. A general theory of constitutional patriotism // *International Journal of Constitutional Law*. 2008. V. 6. Iss. 1. P. 72–95.

² Müller J.-W. *Constitutional Patriotism*. Princeton: Princeton University Press, 2007. P. 1, 48, 50–51.

Зависит ли конституционный патриотизм от действия единого конституционного документа? Могут ли британцы, израильтяне, которым не хватает таких документов, тем не менее быть конституционными патриотами?»¹ Затем предлагается обобщающий вопрос-вывод:

А если нет, не является ли конституционный патриотизм, в некотором смысле всегда гомогенный, частью потенциально авторитарной «гражданской религии», верой такой же нетерпимой, как любая другая религия?»²

Может ли конституция быть недемократической? Вероятно, это самый сложный вопрос для доктрины конституционного патриотизма, ответ на который она вынуждена давать вопреки реалиям и логике. Понимаем ли мы под конституцией основной закон (юридическая конституция) либо соотношение сил (фактическая конституция), очевидно, что и первое, и второе явления могут закреплять победу недемократических сил. Вопреки очевидности утвердительного ответа на этот вопрос сторонники конституционного патриотизма говорят обратное. Демократия обязывается обеспечивать принципы политических свобод и объявляется (причем не во всем ее многообразии) обязательным принципом конституционной традиции, а конституция, не закрепляющая демократические принципы, при таком подходе не является таковой.

Напротив, по мнению Ю. Хабермаса, конституционный патриотизм может возникать только тогда, когда политическая культура и государственная политика дифференцированы в большей степени, чем в случае с нацией-государством классического типа. Идентификация с отдельными традициями и образом жизни сменяется более абстрактным патриотизмом, который касается абстрактных принципов и процедур³.

Дж. Фоссум выделяет три центральных компонента конституционного патриотизма. Первый компонент традиционно для

¹ Müller J.-W. A general theory of constitutional patriotism. P. 73.

² Ibidem.

³ Habermas J. *Eine Art Schadensabwicklung*. Frankfurt am Main, 1987. P. 173.

западной общественной и правовой мысли связан с правами человека и гражданина и предполагает обязательность обеспечения личной автономии. Второй относится к институциональным условиям, а третий — к статусу конституции¹.

Раскрывая эти три компонента применительно к условиям российского общества, теория конституционного патриотизма может предложить дорожную карту решения названных выше проблем российской государственности, прежде всего когда речь идет о сочетании общечеловеческих, универсальных ценностей с ценностями всего российского общества и различных сообществ, его формирующих. При этом возможно сохранить различия между подобными сообществами, их многообразие при обеспечении непротиворечивости и сосуществования. Конституционный патриотизм предполагает становление в роли объединяющих универсальных подходов для конкретного общества, в данном случае российского.

Конституционный патриотизм, предполагающий широкую культурную открытость, вовлеченность в процессы становления политической нации представителей различных этносов, воззрений, верований и культур, подвергается критике со стороны не только правых и левых националистов, но и представителей либеральных учений. Критика последних обусловливается тем труднооспоримым фактом, что конституционный патриотизм в стремлении к универсализации и декларированию неких общенациональных политических ценностей не в полной мере учитывает особенности современного этапа развития общества. Прежде всего речь идет о чрезвычайной дробности современных демократических обществ, наличии исключительно широкого спектра политических, культурных, религиозных, экономических структур.

Доктрина конституционного патриотизма предполагает замену единства, основанного на этнической идентичности, приверженностью конституционным принципам, имеющим однозначно надэтнический характер. Тем самым предполагается примирение с уже имеющимися общинами в европейских об-

ществах, декларируется, что общественная солидарность может и должна возникнуть вне общности исторического происхождения и становления нации в рамках государства.

Привлекательность доктрины конституционного патриотизма обеспечивается еще и тем обстоятельством, что она предлагает приемлемую и для государства, и для гражданина форму национальной солидарности. Чтобы быть лояльным и органичным членом сообщества, гражданин освобождается от требований, предъявляемых национализмом: этнической, культурной, языковой, исторической и иной общности с большинством населения. Однако конституционный патриотизм не приводит к космополитизму и тем самым успокаивает государство и власть, подчеркивая приверженность гражданина конституционно закрепленным ценностям и целям именно данного государства.

¹ *Fossum J. E. The European Charter — Between deep Diversity and Constitutional Patriotism? // Working Paper. ARENA. 2003. P. 4–5.*

Гражданский патриотизм

В конституционно-правовой теории сложились два основных подхода: трактовка нации как гражданской общности, а также как общности этнической. Концепция гражданской нации — *civic nation*, которую часто называют французской моделью, основана на представлении о нации как о совокупности всех граждан государства независимо от их этнического происхождения. Эта модель «политической нации» во многом учла историко-правовой опыт Франции, в которой сложились демократические принципы, сформировалось гражданское общество, были в основном созданы необходимые условия для того, чтобы все этнические группы могли воспринять культуру этноса-ядра (прежде всего владение языком). Данная концепция не предусматривает отказа от собственной культуры, что порой, когда для этого возникают определенные препятствия либо опасения, приводит и к возникновению определенных конфликтов на этнической почве.

Вторая концепция — этническая, по крови, которую также называют немецкой моделью. Она имела большее распространение в период формирования наций, который, например, в Европе занял около 400 лет. Ее содержание составляет признание происхождения нации от этноса (от греч. *ethnos* — племя, народ) — исторически сложившейся на определенной территории устойчивой сово-

купности людей, обладающих общими чертами и стабильными особенностями культуры и психологического склада, а также сознанием своего единства и отличия от других подобных образований (самосознанием). Соответственно под нацией (от лат. *patio* — народ) понимается исторически складывающийся тип этноса, представляющий собой социально-экономическую целостность, состоящую из связанных производственными отношениями больших социальных групп людей — «культурной нации».

Полиэтнический состав является типичным для современных государств. В мире насчитывается до пяти тысяч народов, но только немногим более 200 государств. Большинство государств остается полиэтническим, таковыми в мировой практике признаются государства, имеющие более 5% иноэтничного населения. Перечень моноэтнических государств весьма ограничен: Венгрия, Португалия, Армения, Мальта, Йемен. В то же время, например, за границей живет каждый второй армянин, каждый третий мальтиец и йеменец, каждый четвертый венгр и португалец. Вместе с тем в мире существует немногим более 20 федераций. Причем выбор федеративного устройства является в современных государствах результатом не столько конкретного этнического (национального) состава государства, сколько его политико-правового развития, особенностей исторического опыта. Так, например, в одном из наиболее крупных федеративных государств — России — проживает более 80% русских.

Таким образом, понятие народа менее широкое, нежели понятие населения, а в сравнении с понятием этноса это уже более широкая общность. Однако соотношение понятий *народ*, *население* и *этнос* имеет относительный характер и зависит от правовой практики государства. В соответствии с политико-правовыми традициями государства иногда как синонимы рассматриваются понятия *народ* и *нация*, либо *народ* и *этническая общность*, либо *нация* и *этнос*. В советском конституционном праве было принято использовать понятие нации для обозначения этнической принадлежности человека. Под многонациональным народом СССР понимали все народы и нации, которые входили в его состав, независимо от того, в каком объе-

ме реализовывалось ими право на самоопределение: как право на образование союзной республики (армяне, белорусы, казахи и др.), автономной республики (абхазы, татары, каракалпаки и др.) и т. д. Кроме того, в Конституции СССР 1977 года было использовано понятие советского народа как новой исторической общности.

Проследить предопределенность теоретических заключений политическими (государственными) интересами можно на примере близости германской и итальянской доктрин. Очевидно, что эта близость обусловлена схожестью задач германской и итальянской истории второй половины XIX века.

Теоретики объединения итальянской нации перечисляли следующие конституирующие ее признаки, которые цитируются Нойманном¹, а затем воспроизводятся Бауэром²: 1) общая территория обитания (*elemento geografico*), 2) общее происхождение (*razza*), 3) общий язык, 4) общие привычки и обычаи, 5) общий опыт, общее историческое прошлое, 6) общие законы и общая религия³.

Бауэр анализирует значение этих признаков в процессах нациогенеза, а также возможности их использования для определения сущности нации и приходит к выводу, что «нация — это вся совокупность людей, связанных в общность характера на почве общности судьбы»⁴, определяя общность характера (*Charaktergemeinschaft*) как относительную и вырастающую на основе общности исторических судеб (*Schicksalsgemeinschaft*) и общности культуры и подчеркивая также значение общности территории как необходимого для существования нации признака⁵.

Бауэр не приводит в этом перечне исходные итальянские термины (их приводит в скобках Нойманн, ссылаясь на труды по

международному праву упомянутых выше теоретиков *рисорджименто*¹). При их рассмотрении он анализирует и отвергает метафизические теории нации (национального спиритуализма и национального материализма), переходит к признаковым концепциям, в которых нация выступает как совокупность необходимых и достаточных характеристик (к этому типу принадлежат концепции Теренцио Мамиани (1799–1885) и Паскуале Манчини (1817–1888)), а затем рассматривает психологические теории нации, к которым относит сознание принадлежности к общности и желание или волю к ней принадлежать (*Willen zur Zusammengehörigkeit*).

Национальная идея у теоретиков *рисорджименто* была весьма своеобразной: Франко Вальсекки в своей работе о *рисорджименто* в контексте европейского национализма усматривает в основе итальянского национализма набор различных исходных концепций: идеалистическую Мадзини, религиозную Джоберти, рационалистическую Каттанео, реалистическую Дурандо, использованные затем Романьози, предложившим свою концепцию этникарии, в которой национальная идея объединялась с принципом легитимности (нация для последнего — это население, которому самой природой задано географическое и духовное единство). Таким образом, вместе с Манчини, который в своих трудах подчеркивал бессмертие национального государства, основывающегося на бессмертной идее нации, они сформировали представление о юридической раздробленности Италии как о явлении сугубо временном, в то время как в реальности настоящее государство должно быть национальным.

Манчини в широко известной работе «О национальности как основании международного права» провозглашает итальянскую национальную теорию, предполагающую соблюдение перечня «объективных признаков нации». Выделяя объективные признаки нации, такие как общность территории,

¹ Neumann F. J. Volk und Nation. Leipzig: Duncker & Humblot, 1888. S. 54.

² Bauer O. Die Nationalitätenfrage und die Sozialdemokratie. Wien: Verlag der Wiener Volksbuchhandlung Ignaz Brand, 1907. S. 130.

³ См.: Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия. СПб.: Серп, 1909. С. 139.

⁴ Там же. С. 139.

⁵ Там же. С. 136–137.

¹ *Il risorgimento* (возрождение, обновление) – процесс объединения Италии в середине XIX века, включающий национально-освободительное движение и приведший в 1861 г. к провозглашению Итальянского королевства и присоединению к нему Рима в 1870 г.

происхождения и языка, он отмечал, что именно субъективный признак — «сознание национальности, чувство, которое она имеет в самой себе и которое делает ее способной проявить себя вовне» — является важнейшим и только при его наличии та или иная нация может «домогаться отдельной политической жизни»¹.

Именно на позицию Манчини ссылается российский правовед Н. О. Куплеваский, рассматривая перечень формирующих нацию признаков: общий язык, общая религия, единство происхождения, общая деятельность и общность обычаев:

Но вообще обо всех этих признаках надо заметить, что они далеко не являются безусловными и обязательными для того, чтобы мы могли назвать известное соединение людей нацией²... Если все эти признаки играют второстепенную роль, то какой же признак является существенным? Профессор и государственный деятель Манчини считает (1851 г.) основным признаком национальности сознание своей национальности... Можно говорить на одном языке и не чувствовать себя принадлежащим к одной национальности, исповедовать одну религию, происходить от одних предков, иметь общую цель деятельности и все же не чувствовать себя близким к другому. Только тогда, когда является противоположение одной нации к другой, когда радость и страдания группы являются в нашем сознании нашими радостями и страданиями, тогда мы имеем интимное единение, которое называется нацией³.

Но ключевым для дореволюционного российского права являлся другой тезис:

Здесь необходимо различать понятия — народ — население государства от понятия нация. Государственное население, народ известного государства, иногда называемый по имени государства — австрийцы,

¹ Mancini P. Della nazionalita come fondamento del diritto delle geni. Torino, 1850. P. 39; цит. по: Оль П. А., Ромашов Р. А. Нация (генезис понятия и вопросы правосубъектности). СПб., 2002. С. 45–46.

² Куплеваский Н. О. Общее учение о государстве в связи с главными вопросами государственного права и политики. Харьков: Изд. студента С. Флока, 1901. С. 167.

³ Там же. С. 18–19.

русские¹ и т. д., есть объединение людей политическое, объединение одной политической властью, одними политическим учреждениями².

Итак:

...в случае Франции государство создает нацию, то есть все граждане нации X должны говорить на языке X; следовательно, нужно поставить их в положение, в котором они ему научатся. В немецкой модели сама нация выражается в государстве, так что все немецкоязычные люди оказываются гражданами Германии: все те, у кого одни и те же этнические, языковые, культурные качества, оказываются гражданами Германии...

Французская модель — просвещенческая: космополитизм, рационализм, универсализм, абстрактный и формальный универсализм; в этом смысле Маркс прав, это действительно философия ассимиляции, понимаемой в качестве универсализации, то есть отождествления каждого человека... с этим универсальным гражданином, коим является гражданин французский. Тогда как немецкий путь... нация — это индивидуальность с историческими корнями, развивавшаяся органически, объединенная благодаря *Volksgeist*, то есть общему народному духу, который отличает ее от других наций и выражается в языке, обычае, культуре и государстве³.

Различия представленных двух моделей отсылают к двум основным направлениям европейской политической мысли: просвещению и романтизму, при всей условности конкретизации: французскому просвещению и немецкому романтизму. Различия германской и французской моделей можно проследить на примере интеграции крупнейших мусульманских общин в этих странах во второй половине XX века: турецкой в Германии⁴ и арабской (преимущественно алжирской) во Франции.

¹ Очевидно, что австрийцами автор считает всех подданных Австро-Венгерской империи, русскими — подданных Российской империи.

² Куплеваский Н. О. Общее учение о государстве в связи с главными вопросами государственного права и политики. С. 15.

³ Бурдые П. О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992). М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2017. С. 636–637.

⁴ Henkel Heiko. Turkish Islam in Germany: A Problematic Tradition or the Fifth Project of Constitutional Patriotism? // Journal of Muslim Minority Affairs. Vol. 28. No 1. April 2008. P. 113–123.

Вдруг на рубеже XX и XXI веков с подачи немецких авторов конституционного патриотизма Германия и Франция «меняются факелами»:

С мыслью Хабермаса Германия берет на себя факел просвещения, чтобы протянуть руку помощи европейской цивилизации в постромантический период. Но... Европе нужны два наследия: просвещение и романтика: иначе вы получите монстра¹.

Та легкость, с которой Франция и Германия обменялись политическими доктринами, возвращает к скептическим размышлениям о предопределенности философских ценностных дискурсов государственными интересами, скорее, их пониманием властными элитами. В основе немецких романтических повествований XIX века о народном духе и исторических корнях лежат установки на построение единого немецкого национального государства. Романтическое восприятие народного духа привело Германию к национал-социализму с его полным отрицанием универсальных ценностей просвещения. Как уже показано, аналогичные процессы в это же время сопровождают Италию.

Франция в этот период истории уже была избавлена от подобных потуг (построения единого национального государства). Эта свобода позволила ей вплоть до конца XX века безопасно проповедовать некие универсальные ценности, что в полной мере соответствовало задачам повышения роли и авторитета Франции в мире как лидера (причем даже в сравнении с США) в отстаивании прав и свобод человека. Вызовы XXI века сделали некритическое следование универсализации (глобализации) опасным для Франции, что обусловило обращение французской политической мысли и французской политической элиты к проблематике сохранения исторической французской идентичности, по-прежнему национальных французских, но уже не столь универсальных традиций, привязанностей и взглядов.

¹ *Finkelkraut A.* 2001: *Nachhilfeunterricht in Post-Romantik // Frankfurter Allgemeine Zeitung.* Цит. по: Turner Ch. Jürgen Habermas: *European or German? // European Journal of Political Theory.* 2004. Vol. 3 (3). P. 295.

Германия же, напротив, добившись объединения и избавившись от необходимости отрицать взаимообусловленность своей экономической мощи и политического лидерства в Европе, была обязана представить свою универсальную концепцию. Таковой концепцией и выступил конституционный патриотизм.

Ответ с французской стороны не заставил себя долго ждать: им стала доктрина гражданского патриотизма — *Civic Patriotism*. Гражданский патриотизм представляется как концепция, в большей мере учитывающая интересы современных национальных государств, разнообразие политических интересов и направленная на становление политической идентичности на основе признания ценности существующих политических институтов.

Сторонники концепции гражданского патриотизма признают возможности конституционного патриотизма в примирении противоречивых тенденций современного мира, прежде всего противоречий, обусловленных требованиями культурной и экономической открытости, но в то же время утверждают, что концепция конституционного патриотизма при обосновании универсальности требований демократии и справедливости недооценивает роль и значение сложившихся политических культур и государственных систем. В вину конституционному патриотизму вменяется недостаточная защита существующих «совместных предприятий», каковыми сегодня являются национальные государства¹. Несложно догадаться, какую частную политическую культуру имеют в виду и о каком «совместном предприятии» пекутся французские авторы.

В плюс концепту гражданского патриотизма ставится его верность существующим национальным государствам и функционирующим в них демократическим институтам, что объективно способствует сохранению сложившейся политической идентичности граждан и обществ. В то же время доктрина гражданского патриотизма не требует консервации существующих политических культур и демократических институтов в рамках национальных государств, допускается их постоянное демокра-

¹ *Laborde C.* *From Constitutional to Civic Patriotism.* Cambridge University Press // *British Journal of Political Science.* October 2002. Vol. 32. Is. 4. P. 591–612.

тическое изучение и даже возможность реформирования. При этом в случае если эти политические институты признаются не в полной мере соответствующими требованиям доктрины гражданского патриотизма, не исключается возможность противодействия им. Противодействие возможно через некоторые формы космополитизма и даже посредством гражданского неповиновения как проявления конституционного патриотизма¹.

Гражданский патриотизм представляется как закономерный шаг в развитии универсальных ценностей, не отрицающий, но опирающийся и развивающий характеристики конституционного патриотизма, как некий оптимальный промежуточный концепт, избавленный от максимализма конституционного патриотизма, но в то же время достаточно универсальный, чтобы не вступать в конфликт с задачами европейской интеграции опять-таки в полном соответствии с политическими интересами Франции.

Серьезным вызовом для доктрин конституционного патриотизма и гражданского патриотизма стала необходимость не только интеллектуально отразить миграционный кризис, но и представить удобоваримую версию его разрешения.

Идеологически доктрина конституционного патриотизма исключительно привлекательна для поощрения миграционных настроений: что может противопоставить представитель миграционной службы клятвенным заверениям претендентов на статус беженца о приверженности идеалам демократии, верховенства права? Ответ, что доктрина конституционного патриотизма была придумана для объединения германской нации, а затем востребована для решения задач интеграции в пределах Европейского союза, а применительно к представителям инородных для Европы культур она распространяется только на тех, кто уже успел легализоваться в территориальных пределах ЕС, вряд ли можно признать доктринально корректным.

Также нельзя не признать, что миграционное нашествие вызывает пропорциональный рост националистических и ксенофобских настроений, совершенно не предполагаемых доктриной конституционного патриотизма.

¹ *Bengoetxea J., Ugartemendia J. I. Civil disobedience as constitutional patriotism // Legal Studies. 2006. Vol. 17. No 3. P. 434–447.*

Неблагоприятные демографические условия во всех развитых государствах Европейского союза и в Российской Федерации, неспособность населения этих стран обеспечить свое воспроизводство в тех объемах, которые требуются экономике, определяют понимание, что вопрос не в том, будут или нет новые поколения европейских наций жить рядом с теми, кто приехал в Европу из стран Азии и Африки, а в том, как им жить вместе. Применительно к России этот вопрос звучит весьма похоже с той лишь позитивной особенностью, что Россия изначально представляет собой мультиэтническую нацию, в ходе истории последовательно и достаточно органично инкорпорирующую многие этносы. Потребности российской экономики в миграционных трудовых ресурсах могут удовлетворяться за счет поощрения приезда представителей тех народов, которые уже имеют многолетний опыт совместного проживания и которые, несмотря на годы, прошедшие после разрушения Советского Союза в 1991 году, сохранили многие необходимые черты и навыки для комфортного включения в российское общество. На более высоком уровне потребности экономик стран постсоветского пространства могут решаться в рамках интеграционных объединений, ключевым из которых является Евразийский экономический союз (ЕАЭС).

Действительно, и Европа, и Россия нуждаются в сочетании универсальных ценностей просвещения и национального романтизма. В своей версии ответа на миграционный вызов доктрина конституционного патриотизма очевидно проигрывает первый раунд концепту демократического (либерального) национализма, ярким выразителем которого является Дэвид Миллер (David Miller)¹:

¹ *Miller D. On Nationality // Nations and Nationalism. 1996. Vol. 2 (3). P. 409–421; Citizenship and National Identity. Cambridge: Polity Press, 2000; Immigration: The Case for Limits // Cohen A. I. and Wellman (eds.) Contemporary Debates in Applied Ethics. Oxford: Blackwell, 2005. P. 193–206; Against Global Democracy // Breen, K. and O'Neill S. (eds.) After the Nation? Critical Reflections on Nationalism and Postnationalism. Basingstoke: Palgrave MacMillan, 2010; Миллер Д. Иммигранты, нации и гражданство / пер. с англ. А. Смирнова // Прогнозис. 2007. № 1. С. 142–157.*

Насколько это возможно, каждая нация должна иметь свой собственный набор политических институтов, позволяющих ей коллективно решать вопросы, которые являются главной заботой ее членов¹.

Оригинальная попытка совмещения двух концепций была предпринята в Советском Союзе. Этнический принцип с «правом народа на самоопределение вплоть до отделения» был положен в основу программы и практики государственного строительства партии большевиков, стал основой национально-государственного строительства в РСФСР, а позднее и в СССР. Но при этом в основу Советского Союза наряду с этническим принципом был положен и принцип гражданской нации. Так, в преамбуле Конституции СССР 1977 года провозглашалось построение общества, в котором на основе сближения всех классов и социальных слоев, юридического и фактического равенства всех наций и народностей, их братского сотрудничества сложилась новая историческая общность людей — советский народ.

Нежизнеспособность подобного сочетания была подтверждена, когда в условиях начавшейся в СССР «перестройки», а под ее влиянием и начавшихся «бархатных революций» в социалистических странах Восточной Европы были реализованы подходы национального патриотизма. Одним из наиболее популярных лозунгов вновь стало требование права наций на самоопределение. Разрушение государства, создававшегося на протяжении тысячелетней истории, — результат преобладания этнического признака над конституционным, общегосударственным. Может сложиться впечатление, что причиной разрушения СССР — исторической России — стал национализм. Отнюдь. Национализм лишь выступил катализатором объединения сил, понимавших в разных регионах страны, что советский строй, советская политическая модель, советская экономика, советский образ жизни изжили сами себя. Националистические тезисы были выбраны как самые понятные для широких масс, не нуждались в обоснова-

¹ Miller D. On Nationality. Oxford: Clarendon Press, 1995. P. 81.

нии и способствовали четкой в своей примитивности идентификации «мы — они».

Лозунги национального освобождения в значительной степени составили основу новых общественных движений: первого «Народного фронта» в Эстонии, а позднее в Латвии, Молдавии, Литве, Армении и на других территориях. Аналогичные движения возникли в Польше («Солидарность») и Чехословакии («Гражданский форум»). Отсутствие последовательной и адекватной требованиям реальной ситуации государственной национальной, а в отношении других социалистических стран — межгосударственной политики привело к распаду СССР и мировой социалистической системы, а также ряда зарубежных федеративных государств (Чехословакии и Югославии). Таким образом, лозунг права наций на самоопределение был доведен до крайней формы — самоопределения нации вплоть до выхода из состава единого государства и создания собственной государственности.

И все же не национализм победил советские ценности, советский образ жизни, советскую идеологию. К поражению и разрушению страны привели неэффективность социалистической экономической модели, атмосфера политического застоя, отсутствие социальных перспектив у значительно числа граждан страны. Бегство из страны представителей культуры, литературы, науки, бизнеса, «рядовых» граждан по различным основаниям и поводам — одна из знаковых черт советской эпохи¹.

Это видение с необходимостью должно давать оценку и вызовам национализма, простота усвоения, комфортность и доступность которых за последние годы не уменьшились.

¹ Трагическим символом бегства из ГДР стал 15-месячный младенец Хольгер, задохнувшийся в багажнике автомобиля при попытке бегства его родителей в 1971 г. Способы бегства из СССР детально представлены в художественном фильме режиссера Режиса Варнье «Восток — Запад» (1999).

Конституционный национализм

В противовес доктрине конституционного патриотизма формируется доктрина конституционного национализма¹. Особое значение развилка между конституционным патриотизмом и конституционным национализмом приобретает для государств, которые обрели независимость в ходе распада (разрушения) федеративных государств. Конец XX века ознаменовался распадом всех социалистических федераций — Союза ССР, СФР Югославии, Чехословацкой СР.

Различия концептов конституционного патриотизма и конституционного национализма продемонстрировали Чешская Республика и Словацкая Республика, образовавшиеся по итогам «дефисной войны»² и последовавшего за ней «бархатно-

го развода»¹ в полночь 31 декабря 1992 года. Если Конституция Чехии (Чешской Республики) от 16 декабря 1992 года принимается от лица «граждан Чешской Республики в Чехии, Моравии и Силезии, в период обновления самостоятельного чешского государства, верных всем добрым традициям исторической государственности земель Короны чешской и государственности чехословацкой», то Конституция Словацкой Республики от 3 сентября 1992 года была принята от имени

словацкой нации, памятуя о политическом и культурном наследии своих предков и о столетнем опыте борьбы за национальное бытие и собственную государственность... вместе с представителями национальных меньшинств и этнических групп, живущими на территории Словацкой Республики.

Различия двух подходов: нации-согражданства и конституционного национализма — наглядны при анализе текстов конституций.

В ст. 116 Основного закона ФРГ дается разъяснение, кого считать немцем, равно как в ст. 66 Конституции Турции дается аналогичное разъяснение, кто считается турком:

Если нет иного законодательного регулирования, немцем по смыслу настоящего Основного закона является каждый, кто обладает немецким гражданством или нашел убежище в качестве беженца, перемещенного лица немецкой национальности, а также супруга или потомка одного из этих лиц на территории Германской империи в границах, существовавших на 31 декабря 1937 года².

¹ Еремина Н., Середенко С. Конституционный национализм в современной Европе: новый уровень угроз // *ВВ: Проблемы общества и политики*. 2014. № 3. С. 1–42.

² Имеется в виду дискуссия о написании названия страны: чешские лидеры отстаивали сохранение слитного написания названия страны «Чехословакия», тогда как словацкие предлагали вариант с использованием дефиса «Чехо-Словакия». В апреле 1990 г. был достигнут компромисс: официальным названием страны было определено «Чешская и Словацкая Федеративная Республика» (ЧСФР). При этом на чешском языке название писалось слитно, а на словацком — через дефис.

¹ Получившие большинство в республиках в ходе выборов 1992 г. партии не смогли найти компромиссное решение. Чешская Гражданская демократическая партия отвергла предложение о конфедерации, а Словацкий национальный совет провозгласил суверенитет в июле 1992 г. В ноябре 1992 г. Федеральное собрание с перевесом всего в три голоса утвердило Закон о прекращении существования Чехословацкой федерации. Решение было принято вопреки мнению населения страны (согласно опросам, проведенным в Чехии и Словакии накануне принятия решения о роспуске федерации, большинство населения обеих республик выступало против раздела страны (в Словакии — 63%, в Чехии — 64%).

² В послевоенной истории в ФРГ признавалось лишь одно немецкое гражданство, граждане ГДР не рассматривались как иностранцы. В ГДР, согласно

Каждый связанный с Турецким государством через обязательства гражданства — турок.

Сравнение двух приведенных формулировок наглядно демонстрирует попытку утвердить концепт нации-согражданства, дополнив его этнической составляющей для тех, кто, сохранив национальную идентичность, оказался за пределами страны. Аналогичный вариант представлен в Конституции Азербайджана, не оперирующей понятием «азербайджанская нация», а утверждающей единую общегражданскую общность «народ Азербайджана», который

состоит из граждан Азербайджанской Республики, проживающих на территории Азербайджанской Республики и за ее пределами, рассматривающихся как подвластные Азербайджанскому государству и его законам (ч. 2 ст. 1 Конституции 1995 года).

В противовес приведенным примерам конституционный национализм — закрепление в текстах основных законов положений, позволяющих раскрыть категорию «нация» в конституционном тексте не через понятие «согражданство», а с учетом этнической составляющей; текстуальное выделение одной из наций в качестве титульной, а иных — в качестве национальных меньшинств; предоставление титульной нации конституционных преимуществ.

Примеры конституционного национализма мы находим во многих конституциях государств, образовавшихся после разрушения социалистических федераций:

Принимая во внимание государственные традиции сербского народа и равенство всех граждан и этнических групп в Сербии... Республика Сербия — это государство сербского народа и всех граждан.
(Преамбула Конституции Сербии 2006 года);

Исходя из воли словенского народа и населения Республики Словении...
(Преамбула Конституции Словении 1990 года);

Конституции 1949 года (действовала до 1968 г.), также признавалось одно немецкое гражданство (п. 4 ст. 1).

Учитывая непрерывную государственность молдавского народа в историческом и этническом пространстве его национального становления...

(Преамбула Конституции Республики Молдова 1994 года);

Руководствуясь идеалом объединенной венгерской нации, Венгрия должна нести ответственность за судьбу венгров, проживающих вне ее границ, должна способствовать их выживанию и развитию и должна продолжить поддерживать их усилия, направленные на сохранение их венгерской культуры, а также будет способствовать их сотрудничеству друг с другом и с Венгрией.

(Статья D Конституции Венгрии 2012 года);

Республика Хорватия создается как национальное государство хорватского народа и как государство представителей иных народов и национальных меньшинств, являющихся ее гражданами: сербов, мусульман, словенцев, чехов, словаков, итальянцев, венгров, евреев и других.

(Преамбула Конституции Республики Хорватия 1990 года в редакции 1997 года)¹.

Конституция Республики Хорватии послужила названием и главной идеей сюжета одноименного фильма режиссера Райко Грлича (2016 год). История принятия конституционных ценностей двумя семьями, живущими в одном доме, но чужающимися друг друга: хорвата — учителя истории, националиста и трансвестита по совместительству, ухаживающего за своим безногим отцом, хорватским усташом, и медсестры — жены полицейского, скрывающего по месту службы свое сербское происхождение. Рефреном в фильме звучат статьи Конституции Хорватии, которые полицейский пытается выучить в ходе подготовки к сдаче экзамена:

¹ В предшествующей Конституции 1990 года Конституции Социалистической Республики Хорватии 1963 года Хорватия виделась как «родина для хорватов, сербов и национальных меньшинств, проживающих в Хорватии». Конституция 22 декабря 1990 года провозглашала Хорватию «государством хорватов и национальных меньшинств, проживающих в Хорватии».

Республика Хорватия — единое и неделимое демократическое и социальное государство. В Республике Хорватия власть исходит от народа и принадлежит народу как содружеству свободных и равноправных граждан (ст. 1);

Каждый человек имеет право на жизнь (ст. 21);

Гарантируется свобода совести и вероисповедания, а также свободного и публичного выражения религиозных или иных убеждений (ст. 40);

и самое сложное:

Запрещается и подлежит наказанию любой призыв или подстрекательство к войне или насилию, к национальной, расовой или религиозной розни или к какой-либо иной форме нетерпимости (ст. 39).

Если в фильме соседям удалось прийти к простому человеческому пониманию, то, как свидетельствует история перехода от «тоталитарных» к «демократическим» политическим режимам в Восточной Европе, ни в одном государстве (кроме уже описанной истории поглощения ГДР) доктрина конституционного патриотизма не была использована даже на уровне «описания» процессов трансформации.

Относительный успех данной доктрины именно в Германии обусловлен наличием развитой системы гражданских прав в Западной Германии, обращением властей к единым историческим традициям и корням обеих частей германского народа, признанием имеющихся различий («весси» и «осси») и существенными финансовыми ресурсами, направленными в новые земли федеральным немецким правительством. Ни одного из этих факторов не было ни в одной другой стране «коммунистического блока». Поэтому становление новых политических режимов и новой государственной идентичности Польши, Венгрии, Румынии, Словакии, государств, образовавшихся на руинах Югославии, и республик бывшей советской Прибалтики неизменно сопровождалось усилением национализма, жестким ограничением прав национальных меньшинств вплоть до ограничения прав гражданства (статус

«неграждан» в Латвии и Эстонии). Именно страны прежнего «коммунистического блока» представляют собой наиболее националистические режимы среди стран — членов Европейского союза, и даже среди них позиции Польши и Венгрии считаются радикальными.

Нельзя утверждать, что идеи конституционного патриотизма потерпели провал в этих государствах: идеи общегражданской идентичности, солидарности не были даже предложены этим сообществам, что с точки зрения интересов самой теории вполне оправданно: нельзя предложить идеи гражданского единства обществам, составные части (общины) которых не доверяют друг другу, испытывают всякого рода фобии и предрассудки. Если восточные и западные немцы в большинстве были готовы прийти к общему пониманию своей истории, консенсусу в оценках тех или иных ее периодов, то в Латвии и Эстонии «титовская» и «русскоязычная» общины не нашли примиряющего и объединяющего понимания как прошлого, так и форм совместного сосуществования в будущем. Что особенно поучительно, учитывая антицентристскую позицию русскоязычного меньшинства в этих странах в период разрушения Союза ССР.

И все же осознание жизненной необходимости ценностей конституционного патриотизма постепенно приходит и в «новых независимых государствах». Небезынтересно, что к ним обращаются даже ярые националисты. Широкий резонанс получило выступление Святослава Вакарчука (лидер украинской рок-группы «Океан Эльзы», депутат Верховной рады Украины 2007–2008 годов) на медиафоруме во Львове 27 мая 2016 года. Ключевой посыл лекции был обозначен так:

Нам нужно перестать строить государство, основанное на кровном патриотизме, и начать строить государство, основанное на конституционном;

Наша страна сшита из разных кусочков других государств, где люди имели разные происхождение, язык, веру, образ жизни и видение будущего;

Когда житель села Харьковской области недалеко от границы с Белгородской областью будет чувствовать ментальную, интел-

лектуальную и социальную близость с жителем приграничного села Львовской области больше, чем со своим российским соседом, это будет означать, что у нас есть политическая нация¹.

Созвучные мысли посетили Марью Лауристин, одну из лидеров «Народного фронта Эстонии» — движения, сыгравшего основную роль в выходе Эстонии из состава СССР. Результаты социологического исследования «Я. Мир. Медиа» (эст. «Mina. Maailm. Meedia» — МееМа) показали, что

у эстонцев эстонское государство вызывает позитивные эмоции: оно теплое, разноцветное, дружелюбное и поднимающееся... для русской молодежи, которая росла и училась здесь, государство ассоциируется с негативными понятиями, выражающими отверженность и отчуждение: медленное, холодное, недружелюбное, опускающееся.

Не нужно быть умудренным опытом политиком, чтобы сделать вывод:

Потребность государства в привязке нового поколения к Эстонии очевидна... неприятие... предложения объясняется тем, что эстонское общество по-прежнему руководствуется идеей эстонского государства как единственной национальной собственности, не замечая опасности для этого государства, связанной с отчуждением молодежи².

Конечно, нельзя не понимать, что это обращение происходит лишь как реакция на ту опасность, которую несет для государства и общества отчуждение молодежи. Это понимание не препятствует выводу, что в третьей реинкарнации конституционный патриотизм предстает во множестве образов, доктрин и лозунгов, вырабатываемых и применяемых в сложных в этническом, религиозном, культурном плане государствах в процессе поиска ими своей современной национальной идентичности.

¹ http://www.20khvylyn.com/opinion/mind/opinion_18181.html

² Лауристин М. О пользе конституционного патриотизма // Postimees. 2009. 26 окт.

Конституционный патриотизм как европейская абстракция

Среди достижений концепции конституционного патриотизма — успешное ее применение при решении таких весьма различных политических задач, как становление новой немецкой национальной идентичности в послевоенное время и обеспечение задач германского воссоединения в 1990-е. Историю успеха доктрина пытается закрепить в применении к совершенно иному государственно-правовому и политическому контексту — при формировании общей идентичности и коллективной солидарности разных стран — членов Европейского союза.

Европейский союз провел уникальный эксперимент: если ранее в мировой истории результаты осмысления универсальных конституционных ценностей политическим слоем и экспертами различных государств находили закрепление в национальных конституциях, в конституционном (государственном) праве конкретной страны, то сначала Европейская хартия прав человека, а затем и Маастрихтский договор обусловили разработку первого примера интернационального (не в смысле международного, а в смысле наднационального для государств — членов Европейского союза) конституционного права.

Четвертая инкарнация конституционного патриотизма — общеевропейский (Европа — в смысле Европейский союз) конституционный патриотизм.

Главный тезис против европейского конституционного патриотизма: европейской конституции не может быть, так как нет учреждающего конституцию субъекта — европейского народа¹. Тезис основан на немецкой традиции «культурной нации»: если нет общности культуры, истории, сознания и т. п., не может быть и единой нации (народа), которая и создает конституцию.

Главный контртезис — «категория меры», определяющая, существует или нет подобная общность, представление о формировании «европейской политической нации».

Другой значимый тезис против европейского конституционализма — отсутствие единого политического публичного пространства, что делает невозможным эффективное ведение общеевропейских общественных дискуссий. Авторами этого тезиса существующие общеевропейские парламентские, политические, информационные средства признаются недостаточными для ведения реального обсуждения по формированию общего политического устройства. Основываясь на признании несовершенства общеевропейских институтов, критики европейской интеграции предлагают отложить дебаты по европейской конституции до разработки необходимых инструментов.

В XXI веке стала рассматриваться возможность применения конструкций конституционного патриотизма в рамках не конкретных современных европейских государств, а Евросоюза в целом в контексте обсуждения конституции Европейского союза.

¹ Тезис детально раскрыт в работах немецкого правоведа Дитера Гримма (Dieter Grimm) (судья Федерального конституционного суда в 1987–1999 гг.). Подробнее см.: *Grimm D. Does Europe Need a Constitution? // European Law Journal. 1995. Vol. 1. P. 282–302; Treaty or Constitution? // Developing a Constitution for Europe, ed. E. O. Eriksen, J. E. Fossum and A. Menéndez. London: Routledge, 2004; Die Zukunft der Verfassung II: Auswirkungen von Europäisierung und Globalisierung. Suhrkamp, Berlin, 2012; Europa ja — aber welches? Zur Verfassung der europäischen Demokratie. C. H. Beck. München, 2016; Constitutionalism — Past, Present, and Future. Oxford University Press. Oxford, 2016.*

Впервые возможность перехода европейцев от национального патриотизма к признанию приоритета демократических принципов в конституции Евросоюза нашла отражение в Ниццком соглашении 2004 года. Однако уже в Лиссабонском договоре 2007 года¹ понятие «конституция» применено не было, а в п. 2 ст. 4 особо отмечается уважение Союзом «национальной индивидуальности государств-членов»².

Но раскрытие содержания уважаемой Союзом национальной индивидуальности — «присущей их основополагающим политическим и конституционным структурам, в том числе в области местного и регионального самоуправления», — предстает существенно важным для заключения, что под национальной идентичностью Лиссабонский договор понимает именно конституционную, а не культурную идентичность. К подобному выводу приходит «ведущий специалист в области конституционного права ЕС фон Богданди... самая большая разница между понятиями „идентичность“, сформулированными в Маастрихтском и Амстердамском договорах, заключается во все большем отходе от культурных, лингвистических критериев и превращении его в содержание отечественного конституционного порядка, таким образом превращаясь в идентичность конституционную, а не культурную»³.

Общая конституционная идентичность обязательно предполагает согласие в ценностном дискурсе, объявление некоего пе-

¹ «Лиссабонский договор о внесении изменений в Договор о Европейском союзе и Договор об учреждении Европейского сообщества» — Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community — международный договор, подписанный на саммите ЕС 13 декабря 2007 г., вступил в силу 1 декабря 2009 г.

² Следует признать нечеткость перевода на русский язык понятия «national identities» как «национальная индивидуальность»: The Union shall respect the equality of Member States before the Treaties as well as their national identities, inherent in their fundamental structures, political and constitutional, inclusive of regional and local self-government.

³ Венецианская комиссия о конституциях, конституционных поправках и конституционном правосудии: сборник аналитических материалов Венецианской комиссии Совета Европы / сост. Т. Я. Хабриева, Р. А. Курбанов, В. И. Лафитский; под ред. Т. Я. Хабриевой. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2016. С. 565.

речня ценностей «общепризнанным». Если общепризнанные принципы международного права нашли закрепление в Уставе Организации Объединенных Наций и Декларации о принципах международного права 1970 года, то «общепризнанные европейские ценности» находятся в преамбуле Хартии Европейского союза по правам человека¹ и Договоре о Европейском союзе:

Статья 2. Союз основан на ценностях уважения человеческого достоинства, свободы, демократии, равенства, правового государства и соблюдения прав человека, включая права лиц, принадлежащих к меньшинствам. Эти ценности являются общими для государств-членов в рамках общества, характеризующегося плюрализмом, недискриминацией, терпимостью, справедливостью, солидарностью и равенством женщин и мужчин.

Столь абстрактный нормативный контент обусловил широкое творчество экспертов в различных областях интеграционных процессов, в формировании перечня общепризнанных европейских ценностей. Майкл Эмерсон (Michael Emerson), на протяжении пяти лет в 1990-х представлявший в России Евросоюз, основываясь на библейских аналогиях, представляет свои «десять европейских заповедей»:

Демократия и права человека — юридически сформулированы в Европейской конвенции и Суде по правам человека Совета Европы и также включены в Европейскую конституцию и копенгагенский политический критерий Европейского союза для принятия новых членов.

Общая юридическая основа для четырех свобод — для единого экономического рынка, пространства для свободного передвижения, обитания и занятости граждан Европейского союза.

Социальная модель — базовое социальное обеспечение и доступ к здравоохранению.

Многонациональный характер общества, отрицание национализма — общество должно приобрести качества, совмещающие региональные, национальные и европейские особенности.

¹ Подписана в Ницце 7 декабря 2000 г., вступила в силу в декабре 2009 г. вместе с Лиссабонским договором.

Светский мультикультурный подход — существующие в Европе мусульманские меньшинства пытаются развивать религиозный мультикультурный подход.

Антитоталитаризм и антимилитаризм — во внешней и внутренней политике, но без пацифизма.

Многосторонний подход в международной политике, а также во внутриевропейских делах.

Многоярусное управление — обычно с трехъярусной федеративной системой подчинения (Европейскому союзу, национальным и государственным органам) при наличии обязательного наднационального управления Европейского союза.

Открытость — для всех европейских демократий.

Постепенно меняющиеся, эволюционирующие границы Европейского союза — а не жесткое разделение Европы на своих и чужих, то есть Европейский союз как нео-Вестфальское федеральное государство¹.

В отличие от содержащихся в Пятикнижии заповедей, данных Моисею Богом, заповеди, открывшиеся М. Эмерсону, не отличаются однозначностью толкования и не выходят за рамки набора абстрактных размышлений. Тем не менее общеевропейский конституционный патриотизм вполне перспективная объединяющая доктрина для Европейского союза. Теория перешагнула границы Европейского континента, ее стали рассматривать как нормативно привлекательную форму гражданской преданности все более «мультикультурного» общества, а также как способ концептуализации гражданской идентификации на наднациональном уровне².

Небезынтересно, что один из основных оппонентов Ю. Хабермаса, Ж. Деррида, подписался под его статьей во славу объединения Европы на общих рациональных принципах и создания конституции ЕС, хотя сам, как правило, весьма скептически оценивал любые единства и консенсусы.

¹ См.: Эмерсон М. Экзистенциальная дилемма Европы // Вестник Европы. 2005. № 15. С. 41–65.

² Müller J.-W. Three Objections to Constitutional Patriotism // Constellations. 2007. Vol. 14. No 2. P. 195.

Приложение доктрины конституционного патриотизма к случаю (кейсу) Европейского союза преследует цель и имеет возможность отреагировать на два вызова, обусловленных:

1) стремлением различных глобальных сил осуществить конституционализацию международного права¹ (в перспективе). В высоком философском смысле идея европейской интеграции — кантовский идеал государственного устройства, основанный на отторжении национализма в пользу патриотизма и космополитизма. Конституционный патриотизм в приложении к модели европейской интеграции позволяет дать идейную альтернативу многочисленным европейским политическим силам, продолжающим настаивать на республиканской (национальной) перспективе.

Конституционный патриотизм является радикальной демократической концепцией в рамках совещательной демократии, которая стремится к разумному обоснованию преданности граждан государства конституции. Данная теория предполагает, что граждане, готовые принять рациональность своей конституции, а также обоснованность разумной аргументации, воспринимая конституционные нормы как изложение их правовых и нравственных ценностей².

Причем «рациональность» национальной конституции превышает для общества «рациональность» международного права. Здесь конституционный патриотизм может войти в противоречие с тезисами о примате международного права и непосредственности действия норм международного права;

2) экономической глобализацией (в реальности), которая уже привела к созданию общеевропейских управленческих и экономических институтов, наделенных наднациональными полномочиями. Это, в свою очередь, а) предопределило напряженную работу европейской бюрократии по созданию всякого

рода процедур решения экономических вопросов, механизмов обеспечения предусмотренного консенсуса, моделей, позволяющих уйти от необходимости его достижения; б) обусловило поиск новых форм правотворчества, правового регулирования экономических вопросов; в) вызвало к жизни дискуссии о формах взаимодействия судебных органов европейских государств, в данном случае применительно к разрешению экономических споров.

Оторвавшись от сугубо экономического приложения, эти задачи вышли на уровень европейской космополитизации управления, правотворчества и правосудия. Озабоченность европейской элиты выбором между космополитизмом (в форме конституционного патриотизма) и республиканизмом (в форме конституционного национализма) имеет не столько философские, сколько вполне прагматичные причины. Она обусловлена пониманием, что даже самые крупные европейские государства самостоятельно не способны составить экономическую и политическую конкуренцию единственной современной сверхдержаве — США с их видением своей исключительности и миссии в мире, крупнейшей (при соответствующих методиках подсчета) экономике мира Китая, растущим экономикам Индии и ряда других азиатских государств, России с ее стремлением к справедливым политическим и экономическим отношениям в мире.

В качестве объединяющего для столь разнообразных европейских государств был выбран ценностный дискурс. Действительно ли весь правящий европейский слой (как на общеевропейском уровне, так и в столицах ведущих государств континента) верит в возможность формирования единой общеевропейской идентичности, объединяющей различные сообщества, нации и граждан на основе признания единых ценностей, или же воспринимает постоянно озвучиваемую доктрину общеевропейских ценностей как противоядие от ультраправых националистических идей, проводники которых регулярно бросают вызов политическому мейнстриму практически во всех европейских государствах (относительно успешные выборные кампании французского «Национального фронта», «Альтернативы для Германии», «Движения пяти звезд» в Ита-

¹ Paulus A. L. The International Legal System as a Constitution // Ruling the World? Constitutionalism, International Law and Global Governance / Ed by J. L. Dunoff, J. P. Trachtman. Cambridge, 2009. P. 71; Klabbers J., Peters A., Ulfstein G. The Constitutionalization of International Law. Oxford, 2009. P. 4.

² Breda V. Constitutional patriotism: A reasonable theory of radical democracy? // Constitutional Patriotism & Identity / Ed by M. Zagor. Canberra: Australian National University Press, 2013. P. 12, 14.

лии, Партии свободы в Австрии)? Не возьмемся отвечать на этот вопрос, великодушно допустив, что авторы современного ценностного мейнстрима искренни, тем более что ценности конституционного патриотизма, как следует из предпринятого анализа, могут быть чрезвычайно полезными в умелых политических руках.

«Обучающийся суверен»: конституционному патриотизму следует учиться

Учитывая тот факт, что ни конституционализм, ни патриотизм действительно не были изобретены немцами, другие государства и народы обращаются к доктрине конституционного патриотизма при решении своих практических задач. Ныне сторонники доктрины конституционного патриотизма приспособливают ее к потребностям интеграции полиэтнических и мультикультурных сообществ на разных континентах (Испания, Швейцария, Малайзия, Канада и др.)¹.

¹ *Gaik Cheng Khoo*. The Rise of Constitutional Patriotism in Malaysian Civil Society // *Asian Studies Review*. 2014. Vol. 38. No. 3. P. 325–344; *Reinkowski M*. Constitutional Patriotism in Lebanon // *New Perspectives on Turkey*. Spring 1997. 16. P. 63–85; *C. Codagnone & V. Filippov*. Equity, exit and national identity in a multinational federation: The ‘multicultural constitutional patriotism’ project in Russia // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2000. Vol. 26. No 2. P. 263–288; *Fossum J. E*. On the Prospects for a Viable Constitutional Patriotism in Complex Multinational Entities: Canada and the European Union Compared // By ARENA. University of Oslo. Paper to be presented at the Annual Conference of the Canadian Political Science Association. Saskatoon, 2007. May 31; *Payero L*. Theoretical Misconstructions Used to Support Spanish National Unity: the Introduction of Constitutional Patriotism in Spain. Presented at the European Consortium for Political Research Graduate Student Conference 2012, Bremen. Panel: Tackling Political Science Questions using Historical Cases; *Muro D., Quiroga A*. Spanish nationalism: Ethnic or civic? // *Ethnicities*. 2005. Vol. 5. Is. 1. P. 9–29.

Конституционный патриотизм востребуется как способ ценностной и политической солидарности в сложносоставных обществах, особенно в странах, переживающих состояние гражданского противостояния и ищущих способы выхода из него (Ливан, Босния и Герцеговина). В большинстве случаев подобное экстренное обращение приходится признать безуспешным. Причины провалов следует искать не только в недостатках самой доктрины, но и в том, что ее конструкции могут быть успешно использованы в качестве несущих только в обществах, подготовленных к восприятию ее общих постулатов: уважительное отношение к государственным институтам и признание приоритета права при регулировании всех и всяческих обстоятельств; критическое осмысление истории и прав человека, а самое важное — общее (преобладающее) понимание значимости общих ценностей и правил.

Малая эффективность доктрины применительно к тем обществам, в которых она действительно нужна и в которых могла бы способствовать разрешению острых политических кризисов, обусловила ее яростную, доходящую до уничтожительности критику. Так, австралийский профессор Джон Милфул (John Milfull) назвал посвященную данной доктрине статью «Возрождение оксюморона: генезис и функции конституционного патриотизма»¹.

Вероятно, понимая уязвимость представляемой концепции, Хабермас в названии одной из статей задается вопросом: «Конституционная демократия: парадоксальный союз противоречивых принципов?» — и в качестве инструмента преодоления парадокса выдвигает требование «учиться конституционному патриотизму»:

Конечно, интерпретация конституционной истории как процесс обучения основывается на нетривиальном предположении, что последующие поколения начнут с тех же стандартов, что и предыдущие (основатели)... Потомки могут учиться на прошлых ошибках, только если они «в той же лодке», что и их предки. Они

¹ *Milfull J. The Rebirth of an Oxymoron: The Genesis and Functions of «Constitutional Patriotism» // Debate: Journal of Contemporary Central and Eastern Europe. 2007. Vol. 15. No 1. P. 107–114.*

должны вменить всем предшествующим поколениям то же самое намерение создания и расширения базы для добровольного объединения граждан, которые делают свои собственные законы. Все участники должны уметь распознавать проект как один и тот же на протяжении всей истории и судить о нем в той же перспективе¹.

Наиболее ярко мысль обучения принципам конституционной демократии изложил Гюнтер Франкенберг в статье «Der lernende Souverän» — «Обучающийся суверен»². Он развивает один из ключевых приоритетов доктрины конституционного патриотизма, каковым является постоянная открытая политическая коммуникация всех участников демократического процесса. Только при постоянном осмыслении и дискуссии о том, как должны развиваться государство и общество, как они могут реагировать на новые вызовы, какие достижения и ценности должны находиться под конституционной защитой, а каким предстоит быть трансформированными, возможно говорить о развитии демократии.

Ограничение политической коммуникации чревато, но и сама политическая коммуникация должна вестись по определенным обществом правилам. Этим правилам также надлежит учиться.

Суверен — народ, составляющие его граждане — призван осваивать основополагающие конституционные принципы не только и не столько в теории, сколько в правовой и политической практике. Следуя современной образовательной моде, можно говорить о «практикоориентированном обучении», то есть об обучении, в ходе которого суверен приобретает знания о своем государстве, его функционировании и у него формируются соответствующие компетенции по управлению этим государством.

Подобный подход сочетается с позицией японского конституционализма об обязанностях народа. Среди них — умелое использование сувереном своих прав. Суверен имеет право изме-

¹ *Habermas J. Constitutional Democracy: A Paradoxical Union of Contradictory Principles? // Political theory. December 2001. Vol. 29. No 6. P. 775.*

² *Frankenberg G. Der lernende Souverän // Kritische Justiz. 2002. Vol. 35. No 3. P. 297–311.*

нять существующий порядок, вводить новые правила и новые законы вплоть до изменения конституций. Вверяя суверену подобные права, общество не может быть гарантировано от злоупотребления подобным конституционным правом. Это обуславливает очерчивание границ прав суверена на изменения, выведение ряда вопросов из его всеохватывающего права.

Существуют вопросы, которые выведены из принципа всевластия суверена, под которым в данном случае понимается народ. Народ как суверен ограничен в своем праве! Имеющиеся ограничения — результат исторического опыта, если угодно, вынесенные этим народом исторические уроки. Среди примеров исторических уроков — запрет на пересмотр республиканской формы правления во Франции и Италии, конституционное право на «демократическую оппозицию» в Португалии, уважение к которому при пересмотре Конституции Португалии 1976 года особо отмечено в ст. 288.

Основной закон ФРГ 1949 года вполне традиционно утверждает, что вся государственная власть исходит от народа. Власть народа осуществляется народом с использованием системы выборов и голосований и через формирование структур законодательной, исполнительной и судебной власти. Таким образом, власть народа ставится в определенные рамки. Иллюстрацией указанного ограничения является признание ст. 136–141 германской Конституции от 11 августа 1919 года (Веймарской конституции) составной частью Основного закона (ст. 140), действующими до сих пор и закрепляющими принципы религиозной свободы и свободы образования религиозных обществ, отсутствия государственной церкви, взаимоотношения церквей и государства.

Данная отсылка к Конституции Веймарской республики делается, несмотря на отторжение при принятии Конституции ФРГ 1949 года предыдущего опыта государственного развития. Причина демонстрируемого консерватизма в той дорогой цене, которую Германия заплатила в ходе столетий религиозной вражды¹, прежде чем пришла к конституционной форму-

¹ Более 6 млн только гражданского населения Германия потеряла в ходе «тридцатилетней войны» (1618–1648).

ле «положительного нейтралитета» государства по отношению к церквям, прежде всего двум основным — лютеранской и католической¹, ведь «надо опять за торговлю браться»².

Как показывает история конституционного права, есть некие положения, которые определяются раз и навсегда и не подлежат пересмотру. Подобные положения не могут быть изменены даже по желанию и волеизъявлению народа. Кстати, аналогичным образом закрепляется в Конституции Греции особый статус Греческой православной церкви, который также не подлежит обсуждению и изменению, равно как и принцип неизменности конституционных положений, закрепляющих основы и форму правления государства (парламентскую республику), основополагающие конституционные принципы равенства перед законом, свободы совести, разделения властей, защиты прав и свобод личности. Как и в Греции, неизменными объявляются целые разделы Конституции Румынии 1991 года (ст. 148. Пределы пересмотра):

- (1) Положения настоящей Конституции, касающиеся национально-го, независимого, единого и неделимого характера румынского государства, республиканской формы правления, территориальной целостности, независимости юстиции, политического плюрализма и официального языка, не могут являться предметом пересмотра.
(2) Кроме того, не может производиться никакой пересмотр, если его результатом явится отмена основных прав и свобод граждан или их гарантий.

Концепция неограниченного народного суверенитета в советских конституциях нашла крайне опасное выражение в ст. 108 Конституции СССР:

Высшим органом государственной власти СССР является Съезд народных депутатов СССР. Съезд народных депутатов СССР правомочен принять к своему рассмотрению и решить любой вопрос, отнесенный к ведению Союза ССР

¹ Согласно данным 2002 г., количество немцев, исповедующих католичество и лютеранство, сравнялось: по 26 млн человек.

² Последняя фраза мамы Кураж в пьесе Б. Брехта «Мамаша Кураж и ее дети. Хроника из времен тридцатилетней войны» (1939).

и в ст. 104 Конституции РСФСР:

Высшим органом государственной власти РСФСР является Съезд народных депутатов РСФСР. Съезд народных депутатов РСФСР правомочен принять к своему рассмотрению и решить любой вопрос, отнесенный к ведению РСФСР.

Следуя логике отсутствия каких-либо ограничений, I Съезд народных депутатов РСФСР (1 мая — 22 июня 1990 года) принимает 12 июня 1990 года Декларацию о государственном суверенитете РСФСР, тем самым вынимая краеугольный камень из фундамента союзной государственности¹.

Во многом в противовес конституционному патриотизму в западной научной литературе как уничижительное описание истерического патриотизма, когда истина, справедливость, равенство приносятся в жертву национальным интересам и соображениям национальной безопасности, встречается термин «religious patriotism», то есть патриотизм в его экзальтированной крайности, превращенный в подобие религиозного чувства.

Это чувство нельзя путать с другим феноменом, когда для многих государств, не воспринявших концепт «светского государства», обращение к религиозному чувству является принципиально важным для определения национальной идентичности. Несомненно, ярчайший пример такой принципиальности являет Израиль.

Йосеф Бен-Шломо во «Введении в философию иудаизма» утверждает следующее понимание обязанностей народа:

Право народа жить на своей земле неразрывно связано с выполнением возложенных на него Богом обязанностей. Если народ не выполняет указы Божьи, земля изрыгнет этот народ².

¹ Декларация 12 июня 1990 г., определив суверенитет как «естественное и необходимое условие существования государственности России» (ст. 2), в качестве политических, экономических и правовых гарантий суверенитета России закрепила полноту власти РСФСР и верховенство Конституции РСФСР и законов РСФСР на всей территории России, а также приостановила действие актов Союза ССР, вступающих в противоречие с суверенными правами России (п. 2 ст. 5 Декларации).

² Бен-Шломо Й. Введение в философию иудаизма. Иерусалим: Тарбут, 1994.

Если оставить за скобками умозаключения еврейских философов о богоизбранности и особом предназначении еврейского народа (тот же автор утверждает: «особенный характер народа Израиля проявляется в его статусе народа, великого не числом, а разумением и этическими ценностями. Историческое предназначение народа Израиля — вывести мир из мрака»), очевидна глубокая философская мысль: народ несет обязанности перед прошлыми и будущими поколениями.

Государствообразующий народ в своем глубинном историческом понимании — это не только современные поколения людей, живущих на некоей государственно оформленной территории, объединенных общей культурой, ценностями, но и те поколения, которые формировали этот народ на протяжении веков, и те поколения, которым только предстоит прийти на эту землю. Этот философский подход может показаться весьма далеким от реальной государственно-правовой практики лишь на первый взгляд. Именно из него выводятся основополагающие обязанности народа и избранной им власти: сохранить свое государство, его территорию и этнос, обеспечить его культурное, экономическое, политическое развитие, наладить достойные отношения с соседями и утвердить свое право среди других народов мира.

Как пишет Дольф Штернбергер,

демократия — это элемент конституции, и даже фундаментальный ее элемент, ибо именно народ, и только народ, прежде всего в качестве избирателей, легитимирует действующие государственные органы, и именно в выборах актуализируется демократический элемент конституции¹.

Конституционный патриотизм не как доктрина, а как чувство сопричастности (солидарности) граждан формируется и воспитывается. Ему (этому чувству) надо учиться, в том числе в школе. Но, к сожалению, не только в школе. Трудность объединения на основе общих ценностей подтверждается многочисленны-

¹ Штернбергер Д. Конституционный патриотизм // Политическая философия в Германии: сб. ст. / Й. Изензее и др. М.: Современные тетради, 2005. С. 309.

ми примерами из истории революций, жизнеописаний выдающихся личностей и судеб политических движений.

В рамках курса обучения конституционному патриотизму вполне могут быть востребованы уроки, которые предлагаются при обучении другой доктрине — демократическому (либеральному) национализму. Основу доктрины составляет доверие между членами общества и следующая из этого доверия «готовность проигрывать», «a willingness to lose» в терминологии Дэвида Миллера¹. Следует говорить о формировании в обществе культуры политической дискуссии, демократических процедур ведения политического спора, преодоления кризисов, в терминологии Якоба Буркхардта (Jacob Burckhardt) «агональной» демократии².

Современная культура политической дискуссии предполагает обучение трем практическим навыкам:

- а) готовности к признанию поражения;
- б) к социальному обучению;
- в) к примирению с историей.

Готовность признать поражение — неотъемлемая часть демократической политической коммуникации, находящая символическое выражение в традиции, что именно проигравшему в ходе выборов принадлежит преимущественное право первым поздравить победителя.

Особенно тяжело признать поражение, обусловленное особенностями избирательной системы³ или же при минимальном

соотношении голосов «за» и «против»¹. Беспрекословное следование логике мажоритарной демократии «победитель получает все» основывается на доверии, что политический процесс ведется честно, что при смене победителей и побежденных другая сторона будет продолжать следовать тем же правилам. Другим важным условием следования требованиям мажоритарной демократии является относительная однородность сообществ: при понимании, что сообщество состоит из однородных в культурном плане единиц, признать поражение намного проще.

Путешествовавший по России в конце XIX века итальянец Томазо Карлетти задался вопросом и дал свою версию ответа:

Возможно-ли России учредить палату депутатов на подобие нашей, итальянской, или французской, или английской? — Чисто народное управление возможно лишь в странах, где состав населения однородный и где разность в культурѣ, умственномъ развитіи, нравственности, вѣроисповѣданіи и духѣ не слишкомъ рѣзко ощущается в населеніи. Представительный образъ правления прежде всего ведетъ за собою борьбу принциповъ: где существуетъ не болѣе двухъ-трехъ различныхъ идеаловъ, подобная форма удовлетворяетъ потребностямъ націи, если-же нѣтъ, то, говоря слова-

и мы ставим страну впереди партии». Затем Гору представилась возможность еще раз проявить свою государственную мудрость: именно ему как вице-президенту США довелось председательствовать на заседании объединенной сессии Конгресса по утверждению итогов выборов, и именно он отклонял возражения членов Палаты представителей, которые возражали против итогов выборов. В 2018 г. ситуация развивалась менее драматически, хотя Д. Трамп и стал президентом США, проиграв Х. Клинтон 2,9 млн голосов избирателей.

¹ Например, второй референдум о независимости Квебека (30 октября 1995 года) дал следующие результаты: 50,58% (2 362 648 человек) проголосовавших высказалось против отделения Квебека от Канадской Федерации и 49,42% (2 308 360 человек) высказалось за отделение и создание суверенного государства. Решение о выходе Великобритании из Европейского союза было принято на референдуме 23 июня 2016 г. большинством в 51,89%. Вряд ли проголосовавшие за Brexit выступили против единства конституционных политических ценностей этой страны и других стран ЕС. Географический анализ выбора жителей Соединенного королевства позволил указать в качестве причины Brexit феномен «сельского национализма».

¹ Miller D. On Nationality. Oxford: Clarendon Press, 1995. P. 96–97.

² Термин «агональный», восходящий к древнегреческому понятию «агон» — спор, борьба, состязание, Я. Буркхардт использовал в работе «История греческой культуры» (Burckhardt J. Griechische Kulturgeschichte. Bd 1–4. Berlin/Stuttgart, 1898–1902), опубликованной уже после его смерти.

³ Электоральная история США знает 5 случаев, когда президентом Соединенных Штатов становился кандидат, получивший меньше голосов, чем его конкурент. В 2000 г. победа Дж. Бушу-младшему была присуждена после многочисленных пересчетов и судебных заседаний, ключевое значение имело голосование в штате Флорида, первый подсчет голосов в котором дал Бушу преимущество чуть более одной тысячи голосов, пересчеты голосов были прекращены решением Верховного суда США вечером 12 декабря 2000 года (за решение проголосовали пять судей, четверо выступили против). 13 декабря А. Гор признал свое поражение словами «это Америка,

ми Катаньо, — это выходит плохо смазанное колесо, вертящееся съ шумомъ, а иногда лишь шумящее, но вовсе не вращающееся¹.

Ведь именно доверие и относительная однородность сообществ к демократическим процедурам лежит в основе «готовности к проигрышу».

В сложных сообществах следование принципам мажоритарной демократии затруднено, что побуждает практиков и теоретиков политических процессов формировать несравненно более сложные конструкции «концессуальной демократии»².

Готовность к социальному обучению — понимание, что не только конкретный гражданин, институт гражданского общества, политическая партия, государственный орган, но и народ как суверен должны быть открыты к изучению новых технологий, в том числе информационных, новых демократических процедур, обогащению и трансформации своих воззрений и традиций. Именно подобная готовность к социальному обучению обеспечивает открытую политическую коммуникацию между всеми участниками политического процесса.

Готовность примириться с историей. Некоторым нациям «повезло», и свои уроки они получили относительно «малой кровью»: американцы — в ходе Войны Севера и Юга, французы, наблюдая за чередой голов роялистов, якобинцев, жирондистов, поочередно слетавших с гильотины на «публичном месте именем французского народа» (фр. *il aura la tête tranchée sur une place publique au nom du peuple français*) на площади Революции (ныне площадь Согласия). И впоследствии лидеры многочисленных французских революций проверяли верность своих единомышленников общим принципам испытанным гильотиной способом, что не помешало выработать

¹ Карлетти Т. Современная Россия: очерки Т. Карлетти / пер. с итал. А. Волховской. Ч. [1]-2. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1895–1896. Цит по: Черняевъ Н. И. Необходимость самодержавія для Россіи, природа и значеніе монархическихъ началъ: этюды, статьи и замѣтки Н. И. Черняева. Харьковъ: Типографія Южнаго Края, 1901.

² См., напр.: Салмин А. М. Современная демократия: очерки становления М.: Ad Marginem, 1997. Серия «Библиотека МШПИ». Вып. 8.

модель нации-согражданства. При всем глубочайшем пиетете к «Марсельезе» как гимну великой нации и действительно будоражающему музыкальному произведению это именно тот случай, когда для получения истинного творческого наслаждения лучше не вникать в подстрочный перевод. Так выглядит первый куплет:

Вставайте, сыны Отечества,
Настал день славы!
Против нас поднят
Кровавый флаг тирании,
Слышите ли вы в своих деревнях
Рев кроважных солдат?
Они идут прямо к вам,
Чтоб резать ваших сынов, ваших подруг.

Понятие «припев», которым обозначаются в гимнах других стран повторяемые концовки куплетов, в данном случае применить непросто: французское «refrain» больше соответствует содержанию. Как и положено в гимнах, припев повторяется по количеству куплетов, а их во французском гимне семь (!):

К оружию, граждане,
Постройтесь в батальоны,
Идем, идем!
Пусть нечистая кровь
Пропитает наши поля¹.

¹ Трудно предсказать реакцию соперников французских команд по игровым видам спорта, если бы они вникли в смысл слов, которые пропевают французские спортсмены в ходе звучания своего национального гимна перед матчем, и если бы они буквально восприняли призыв французов «пропитать свои поля нечистой кровью» соперников. Русский текст на эту же музыку, который под названием «Рабочая Марсельеза» являлся гимном России наряду с «Интернационалом» с 23 февраля 1917 г. по 8 января 1918 г., был чуть менее кровавым и предполагал самопожертвование:

И взойдет за кровавой зарею
Солнце правды и братской любви,
Хоть купили мы страшной ценою –
Кровью нашею – счастье земли.

При всей кровавости¹ французской истории французам удалось органично совместить в своей политической культуре и сделать предметом национальной гордости и представителей монархии, и тех, кто их свергал, и тех, кто затем монархию реставрировал, и тех, кто после последнего французского императора Наполеона III возрождал республику.

Другим народам прививку конституционного патриотизма пришлось оплатить ценой национального унижения и государственного разрушения: для единой немецкой нации уроком истории стали Третий рейх и Освенцим, для разделенной российской — коммунизм/сталинизм (ГУЛАГ) и до сих пор переживаемая катастрофа разрушения страны в 1991 году. Кровавое соревнование жертв, отданных за единство ценностей, с явным преимуществом выиграла советские большевики, начав выяснение вопроса о преданности ценностям партии сначала среди лидеров левой оппозиции (Троцкий, Зиновьев), затем правой (Бухарин, Рыков, Томский), впоследствии завершив борьбу за единые ценности массовыми репрессиями рядовых однопартийцев и «большим террором».

Как в России продолжают дискуссии о необходимости захоронения мумии основателя Советского государства Владими-

ра Ульянова (Ленина)¹, так, например, в Испании продолжается спор о перезахоронении останков каудильо Франсиско Франко из «Долины павших» и превращении памятника в мемориал жертвам франкизма².

В Послании Федеральному собранию Российской Федерации 25 апреля 2005 года Президент Российской Федерации Владимир Путин произнес ключевую фразу в оценке гражданами России события начала 1990-х:

¹ Разброс позиций широк: от озвученной на Съезде народных депутатов СССР в 1989 г. Г. В. Быковым: «Захоронение Владимира Ильича Ленина в Мавзолее на Красной площади — это волеизъявление народа, это память народа, и мы должны сохранить их в веках» — до мистического «пока тело вождя не будет захоронено, Россия не приобретет покоя и счастья». Например, Архиерейский синод Русской православной церкви за границей (РПЦЗ) в 2017 г. выступил с заявлением, в котором отметил, что «одним из символов примирения русского народа с Господом могло бы служить освобождение Красной площади от останков главного гонителя и мучителя XX века и сокрушение поставленных ему памятников». Согласно итогам опроса ВЦИОМ 2016 г., большинство россиян в целом согласны с тем, что тело Ленина нужно предать земле. Из них 36% высказались за скорейшее перезахоронение на кладбище, а 24% предложили подождать, пока уйдет поколение, для которого он дорог. За сохранение статус-кво выступили 32% опрошенных (РИА Новости: <https://ria.ru/religion/20170313/1489926601.html>). Преодоление противоречия возможно при признании странности самой ситуации, когда на главной площади самой большой и красивой страны мира, считающей себя оплотом православия и традиционных ценностей, в качестве туристической достопримечательности выставлено на всеобщее обозрение мумифицированное тело одного из государственных деятелей. Если же рассматривать выставление мумифицированных останков на всеобщее обозрение в качестве наказания за совершенные преступления, то очевидно, что с точки зрения законов Российской империи деятельность В. И. Ульянова (Ленина) и других членов его семьи (прежде всего брата Александра — одного из руководителей террористической организации «Народная воля», арестованного и затем повешенного за подготовку покушения на российского императора Александра III) носила антигосударственный, преступный характер. Также очевиден ущерб, который нанесли России идеи марксизма-ленинизма. Подобная практика посмертного наказания хотя и имела место в целом ряде европейских государств в раннем Средневековье, изжила себя еще на заре буржуазных революций.

² В августе 2018 г. Правительство Испании приняло решение о перезахоронении останков диктатора Ф. Франко. <https://ria.ru/world/20180824/1527191510.html>

¹ Общеупотребимым стал ложный посыл о некоей исключительной кровавости российской истории. Преступления сталинского режима, массовые репрессии, ужасы Гражданской войны, более 27 млн жертв в Великой Отечественной войне — такова характеристика XX в. в российской истории. Но при всей сложности и жертвенности дореволюционной истории нельзя не признать, что действительно Иван IV с эпитетом «Грозный» казнил не один десяток тысяч человек, а из шести приписываемых ему жен убил «лишь» одну и двух постриг в монахини. В это же время в Англии Генрих VIII казнил двух из своих шести жен, с парой других развелся. А его наследница Елизавета I только по статье «бродяжничество» казнила более 80 тыс. своих подданных. Николай I с придуманным А. И. Герценом прозвищем Палкин, подавляя восстание декабристов, отправил на виселицу пятерых (!) мятежников, сослал на каторгу и на поселение в Сибирь 120 человек. Чуть ранее в ходе Французской революции только посредством гильотины было казнено более 18 тыс. человек. Однако, на наш взгляд, трагедии и потери, пережитые различными нациями в ходе исторического развития, не должны и не могут быть подвергнуты простому арифметическому сравнению.

...крушение Советского Союза было крупнейшей геополитической катастрофой века. Для российского же народа оно стало настоящей драмой. Десятки миллионов наших сограждан и соотечественников оказались за пределами российской территории. Эпидемия распада к тому же перекинулась на саму Россию³.

Эту позицию нещадно критикуют за пределами России те⁴, кто увидел в этом событии ни много ни мало конец истории. Если опубликованная в 1989 году в журнале «National Interest» статья Фрэнсиса Фукуямы «Конец истории?» в своем названии предполагала присутствие вопросительного знака:

Этот триумф Запада, триумф западной идеи проявляется прежде всего в полном истощении некогда жизнеспособных альтернатив западному либерализму. ...Наблюдаемое ныне — это, возможно, не просто окончание холодной войны или завершение какого-то периода всемирной истории, но конец истории как таковой; иначе говоря, это финальная точка идеологической эволюции человечества и универсализация либеральной демократии Запада как окончательной формы правительства в человеческом обществе, —

то выпущенная уже после разрушения СССР, в 1992 году, книга была свободна от всяких вопросов, в самом названии безапелляционно утверждая: «Конец истории и последний человек» (англ. «The End of History and the Last Man»)⁵.

К удивлению всего мира, России удалось пережить этот конец истории. Но перед страной встала задача поиска новой национальной идентичности, национальной идеи, государственного лица.

³ <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22931>

⁴ Обращаясь к критикам такой оценки разрушения СССР гражданами страны, следует рекомендовать им спроецировать подобный ход истории на свои страны. Интересно, как бы отреагировали американцы на распад США на 50 самостоятельных государств или немцы на выход Баварии из состава ФРГ? Думаю, немало людей в мире сочли бы «освобождение» Техаса и Калифорнии от имперской удавки администрации Вашингтона весьма справедливым и правильным событием. Но и это не стало бы концом истории.

⁵ Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 84–118.

Конституционный патриотизм: российская версия

Национальное сознание, о котором как главном образующем нацию признаке в конце XIX века писали П. Манчини и Н. О. Куплеваский, современными исследователями дополняется коллективной исторической памятью и коллективной исторической ответственностью.

Широко известна черта россиян внимательно наблюдать и сопереживать процессам, происходящим в глобальной политике, даже в самых отдаленных от Кремля уголках. «Что там ООН про Гондурас решил?» — вполне естественный вопрос советского штукатура Коли (в исполнении Е. Леонова) сантехнику Афоне (Л. Куравлев) в фильме Георгия Данелия (1975). Не думаю, что эту черту национального характера можно использовать в расследовании «вмешательства» России в американские или какие-либо иные президентские выборы, но то, что россияне весьма высокого мнения о роли своей страны в мировой истории, нашло очередное подтверждение.

В ходе исследования «Мы вошли в историю: граждане 35 стран переоценивают роль своего народа в мировой истории» («We Made History: Citizens of 35 Countries Overestimate Their Nation's Role in World History»), проведенного американски-

ми социологами на основе опросов студентов 35 стран мира¹, выяснилось, что «главным в мире нарциссом... стала Россия, жители которой в среднем считали, что их страна внесла вклад в 60,8% событий мировой истории»². На втором месте оказалась Великобритания (54,6%), на третьем — Индия (53,9%), жители занявшей последнее место нейтральной Швейцарии тем не менее убеждены, что их страна внесла свой вклад в 11,3% мировых событий. Комментируя итоги, психолог Новой школы в Нью-Йорке Уильям Херст признал:

На каком-то уровне можно сказать, что нарциссизм и коллективная память — это плохо, потому что они могут поощрять расизм, национализм и ксенофобию. Можно спросить, зачем мать-природа вообще дала нам такого рода память. Но в ней есть и преимущества. Это то, что способствует общности в понимании нашего прошлого, которое лежит в основе нашей идентичности как страны или как народа³.

Джеймс Верч (James V. Wertsch) в подтверждение различий в коллективной памяти народов приводит итоги опросов российских и американских студентов, какие события Второй мировой войны являются наиболее значимыми. Американские студенты в перечень основных событий Второй мировой войны включают: а) атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки в августе 1945 года; б) нападение на Пёрл-Харбор 7 декабря 1941 года; в) D-Day 6 июня 1944 года; г) Холокост; д) нападение Германии на Польшу в сентябре 1939 года. Российские студенты в перечне основных событий называют: а) нападение Германии на Советский Союз 22 июня 1941 года; б) битву за Москву зимой 1941–1942 годов; в) Сталинградскую битву зимой 1942–1943 годов; д) битву на Курской дуге летом 1943 года; е) блокаду Ленинграда 1942–1944 годов и ж) штурм

¹ We Made History: Citizens of 35 Countries Overestimate Their Nation's Role in World History. Опрос был проведен в 2007–2008 гг., а затем дополнен опросами 2010 и 2013 гг. Подробнее см.: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2211368118300202>

² Wan W. America is a nation of narcissists, according to two new studies // The Washington Post. 2018. July 3.

³ Цит. по: Wan W. America is a nation of narcissists, according to two new studies.

Берлина в мае 1945 года¹. Приведенные итоги (обращает на себя внимание полное отсутствие совпадений) демонстрируют, насколько различно русские и американцы оценивают свой вклад и вклад другой страны-союзницы по антигитлеровской коалиции в общую победу во Второй мировой войне. Эти различия становятся еще нагляднее, если обратить внимание на один частный, казалось бы, чисто терминологический аспект: высадка американского десанта в Нормандии, в состав которого входили также британские, канадские, польские воинские части, в западной историографии обозначается как «D-Day»; в российскую историю этот день вошел как «открытие второго фронта».

Каждый из терминов исключительно мало известен другой стороне. Американцам трудно признать не столько то, что в России не включили крупнейшую в истории мировую десантную операцию в число основных событий Второй мировой войны, сколько то, что этот фронт в восприятии россиян «второй», то есть не главный. Причем ведущей в отечественной историографии применительно ко «второму фронту» темой является затягивание его открытия союзниками. Главный, основной фронт Второй мировой войны тот, который американцы привыкли называть Восточным фронтом (Eastern front), а граждане СССР и России — Великой Отечественной войной.

Возвращаясь к размышлениям Хабермаса и Фишера о фундаментах национальных демократий, следует рассмотреть причины провозглашения в качестве исторической основы конституционного патриотизма в России событий осени 1612 года, когда народным ополчением под предводительством Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского из Кремля был изгнан гарнизон Речи Посполитой.

У польских историков, общественного мнения этой страны декларирование 4 ноября в качестве главного государственного праздника России вызывает исключительно негативные эмоции. В российском обществе также нет единства в оценке причин, опасностей и последствий преодоления Смутного времени. Очевидно, ни утверждение на российском престоле лю-

¹ Wertsch J. V. Memory in Mind and Culture. Cambridge University Press. Cambridge, 2009. P. 144–145.

бого из лжедмитриев, ни даже воцарение в Кремле польского королевича Владислава не означали бы потерю Россией своей культурной и национальной идентичности (в конце концов, с титулом Екатерина Великая в отечественную историю вошла императрица, урожденная София Августа Фредерика Ангальт-Цербстская из столицы Померании — немецкого города Штеттина, ныне Щецин, Польша).

Средневековые изобилуют войнами между соседями, в ходе которых на престол возводили представителей победивших королевских домов. Поэтому с этой точки зрения и собственно события этого периода, и обращение к ним в современной России не носят антипольского контекста. Признавая, что в то время шла конкуренция между Русью и Речью Посполитой за лидерство в регионе, вряд ли в феодальной победе над поляками современная Россия видит что-то существенное для становления государственности. Также вряд ли основу государственной идентичности можно найти в утверждении в 1613 году в ходе преодоления Смутного времени на русском престоле династии Романовых. Что же тогда является главным для России в исторических событиях осени 1612 года?

Важнейшим является не этническая характеристика захватчиков, не воцарение представителя русского боярского рода на престоле, а тот факт, что в условиях иноземного нашествия, предательства элиты произошло объединение различных слоев русского общества (посадских людей — земский староста Кузьма Минин, знати — князь Пожарский, церкви — позиция патриарха Гермогена и проповедь протопопа Саввы с призывом не допустить оккупации католиками и униатами) для защиты своей национальной государственности. Лозунгами народного ополчения не стали требования свободы, равенства, братства, освобождения от крепостничества, соблюдения прав посадских людей и т. п. В качестве базисной для последующего государственного строительства выступила идея защиты от иностранного вмешательства, сохранения государственной самостоятельности. Эта идея и будет сопровождать всю историю России.

Единство народного суверенитета и единство гражданской нации — основополагающие элементы конституционного патриотизма.

При этом рассмотрение конституционного патриотизма как, безусловно, либеральной правовой и философской доктрины не исключает анализа возможных рисков и угроз ее применения в российской государственно-правовой жизни. Среди очевидных рисков выделим наиболее возможные: 1) конституционный патриотизм может выступить прикрытием объявления неизменной соотношения политических сил, сложившегося на дату принятия текста Конституции, и неизменности Конституции в целом; 2) гипертрофирование конституционного патриотизма; 3) конституционный патриотизм может вступить в противоречие с требованиями соблюдения приоритета международного права.

Каждый из трех рассмотренных вызовов со стороны концепции конституционного патриотизма для российской конституционно-правовой доктрины не является критичным. Более того, сама Конституция Российской Федерации 1993 года содержит механизмы, которые сводят возможные негативные последствия восприятия конституционного патриотизма к минимуму. Причем конституционному патриотизму даже не угрожает отсутствие идейного (идеологического) согласия. Как пишет Дэниел Саттер, «конституционный консенсус вряд ли умрет в отсутствие идеологического консенсуса»¹, поэтому конституционный консенсус, определяющий уклад жизни государства и общества, основан на конституционной идеологии, которую никак нельзя сводить к простому математическому сложению или простому перемешиванию кусочков различных политических идеологий. Идеология конституционного патриотизма, возможно заимствуя от политических идеологий какие-то элементы, обладает совершенно иной природой и, главное, самодостаточностью. Наконец, исходя из учредительного характера Конституции Российской Федерации, вполне обоснованно позиционировать конституционный патриотизм в качестве фундамента конституционного консенсуса — основы и критерия легитимности власти.

¹ Sutter D. Calculation of Self-Interest and Constitutional. Consensus: The Role of Ideology // Constitutional Political Economy. 1998. No 9. P. 323.

Исключительно важным в понимании конституционно-патриотизма предполагается размышление: исключает ли следование данной концепции регулярный пересмотр конституционных подходов и взглядов? Не чревато ли следование принципам конституционного патриотизма консервацией существующего конституционно-правового режима?¹

Конституция не только и не столько правовой акт, ее идеи — предмет изучения экономики, общественных наук, политологии, социологии. Конституция России 1993 года предстает как документ, определяющий перспективу развития национальной идентичности, которая не исключает опасности гипертрофирования конституционного патриотизма. Ю. Хабермас указывает:

¹ При анализе в современных условиях конституционных принципов организации системы органов государственной власти и местного самоуправления неизбежно возникает вопрос: нужны ли России конституционные преобразования или все дело в механизмах реализации ее потенциала? Небезынтересны данные опроса ВЦИОМ, проведенного в начале декабря 2012 г., за год до 20-летия принятия Основного закона страны. Так, всего лишь 18% респондентов сочли свое знание Конституции хорошим, 59% лично документ не читали, но имеют общее представление о его положениях, 22% не представляют себе содержания Конституции. В то же время 45% респондентов заявили, что нынешняя Конституция нуждается в совершенствовании, внесении в нее существенных изменений и дополнений. Мероприятия в честь 20-летнего юбилея Конституции были бесполезны, и ВЦИОМ зафиксировал к декабрю 2013 г. рост информированности граждан о содержании Конституции до 58 пунктов. Но уже при аналогичном опросе 2016 г. индекс информированности о содержании Конституции снизился до 46 пунктов, ниже показателей 2009 г. (49 пунктов):

С Основным законом государства в целом знакомо большинство граждан (72%), однако 64% имеют только общее представление о его основных положениях. Доля россиян, хорошо знакомых с Конституцией, составляет 8% в среднем по выборке (13% среди москвичей и петербуржцев, 14% среди высокообразованных). Мнения россиян по вопросу значимости Конституции в масштабах страны разделились: 34% респондентов сказали, что документ крайне важен для жизни общества, 32% — что его роль незначительна и 27% — что все положения Конституции являются лишь формальностью, а в реальности не исполняются. При этом многие участники опроса отмечают важность прав и свобод, провозглашенных Конституцией. Первые строчки в рейтинге актуальных прав и свобод заняли охрана здоровья (51%), право на жилище (46%), право на жизнь (46% — с 61% в 2009 г.). Отмечается существенный рост значимости права на образование: за семь лет с 30% до 44%. Наиболее часто нарушаемыми правами Конституции россияне считают право на охрану здоровья (34%), труд (30%), жилище (29%), социальное обеспечение (28%), защиту прав и свобод (26%). <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115994>

Разросшаяся до уровня национальной культуры культура большинства должна выделиться из своего исторически обусловленного сплава с всеобщей политической культурой, если все граждане страны должны иметь возможность идентифицироваться с политической культурой собственной страны в равной степени. По мере успешного осуществления этого процесса отрыва политической культуры от культуры большинства солидарность граждан перестраивается на абстрактной основе конституционного патриотизма¹.

В России «разрастание культуры большинства» чревато ростом национализма как великодержавного, так и окраинного. В. С. Соловьев выделял «внутреннее противоречие между требованиями истинного патриотизма, желающего, чтобы Россия была как можно лучше, и фальшивыми притязаниями национализма, утверждающего, что она и так всех лучше»².

Отраженный в Конституции Российской Федерации 1993 года выбор России в пользу доктрины конституционного патриотизма, а не конституционного национализма является одним из расхожих оснований объявления «родовым пороком» отсутствия в тексте Основного закона упоминания государствообразующей роли русского народа.

Подобные сетования восходят к преобладающему в советской и постсоветской научной литературе пониманию нации как основанной прежде всего на этническом признаке общности, выраженном в категории «национальность». Представляя кальку с английского «nationality», что означает «гражданство» (подданство), в советском и российском праве эта категория характеризовала этническую принадлежность.

Несомненно, трактовка нации как этнической (культурной) общности имеет право на самостоятельное осмысление в рамках традиции, возникшей в Европе в эпоху становления национальных государств. Эта традиция не была свойственна российской дореволюционной государственной доктрине, в которой империя предоставляла права всем российским подданным

¹ Хабермас Ю. Постнациональная констелляция и будущее демократии // Логос. 2003. № 5 (39). С. 119.

² Соловьев В. С. Соч.: в 2 томах. М., 1989. С. 444.

и различие между ними проводилось по принципу вероисповедания. Привязка концепции национального суверенитета к определенной этнической общности была провозглашена одним из постулатов советской теории в рамках дискуссии об «автономизации» при выработке принципов формирования Союза ССР в 1922 году.

С начала 1990-х годов в России на смену пониманию нации как этнической общности, укоренившемуся в советской политической литературе, приходит европейская концепция нации как гражданской общности, как объединения всех граждан государства. Все более широкое распространение находят термины, в которых «национальное» и «государственное» выступают синонимами: «национальные интересы», «национальная безопасность», «национальное телевидение», «национальная сборная».

В отношении понятия «национальность» сохраняется его этническое содержание с пояснением, что в демократическом государстве оно употребляется в культурологическом и философском контекстах, но не предусматривает никаких правовых, политических последствий, привилегий или ограничений. При гарантированности равенства граждан независимо от национальности, языка, запрещении любых форм ограничения прав граждан по признакам расовой или национальной принадлежности (ст. 19 Конституции), при стремлении к ликвидации абсолютно неправомерных льгот и ограничений по национальному признаку категория «национальность» должна потерять практическую значимость в праве и управлении. Упоминание национальности перестало быть обязательным при заполнении документов. Хотя нельзя не помнить, что вытекающее из ст. 26 Конституции РФ (о свободе в определении своей национальной принадлежности) решение об указании национальности в паспортах и документах, удостоверяющих личность, по желанию заявителя вызвало немало споров, а в документах, выдаваемых в двух субъектах Федерации (Татарстане и Башкортостане), это упоминание сохранилось в выдаваемых к паспорту (по заявлению гражданина) вкладышах.

В России утверждение концепции конституционного патриотизма непременно будет сопровождаться дискуссиями о роли этнического в общегосударственном национальном самосозна-

нии. При этом сложности возможны как при включении принципов конституционного патриотизма в общественный дискурс в субъектах Российской Федерации, выделенных по этническому признаку, так и в контексте возможных обвинений в посягательстве на исключительное положение этнически русского населения. Предстоит обосновать, не угрожает ли доктрина конституционного патриотизма как объединения граждан страны на конституционных принципах традициям и добродетелям, которые национально ориентированными авторами приписываются только и исключительно одному или группе этносов.

Достаточно вспомнить, что в проекте Основ государственной культурной политики утверждались в качестве «традиционных для нашей страны нравственные ценности»: «...честность, правдивость, законопослушание, любовь к Родине, бескорыстие, неприятие насилия, воровства, клеветы и зависти, семейные ценности, целомудрие, добросердечие и милосердие, верность слову, почитание старших, уважение честного труда». В качестве небольшого утешения для иностранцев признавалось, что эти традиционные для нашей страны нравственные ценности основаны «на выработанных человечеством и общих для всех мировых религий нормах и требованиях, обеспечивающих полноценную жизнь общества»¹. И все же утверждения, что честность с законопослушанием, любовь к родине с бескорыстием, неприятие насилия и воровства вкупе с семейными ценностями и милосердием свойственны не только россиянам, но и французам, китайцам, японцам и даже некоторым жителям США и Папуа — Новой Гвинеи, ставили под сомнение патриотизм озвучивавших подобные позиции экспертов.

Благодарим ради следует отметить, что подобные положения не вошли в окончательный документ «Основы государственной культурной политики» (утв. Указом Президента РФ от 24 декабря 2014 года № 808). Это вселяет надежду, что вполне приемлемые для деятелей культуры и представителей религиозных культов рассуждения о нравственном моральном превосходстве не получат признания на уровне государственной политики.

¹ Российская газета. 2014. 16 мая.

Стремление возвести в «национальные» моральные ценности (гостеприимство, уважение к старшим, любовь к детям, милосердие, различные национальные версии понятия «совесть») свойственно преимущественно бедным государствам, в общественное сознание населения которых внедряется вполне объяснимый компенсаторный концепт: «возможно, у нас нет демократии и мы бедные, зато мы любим своих детей и уважаем старших». Происходит попытка за счет превознесения неочевидных исторических и нравственных достижений компенсировать современный неприглядный уровень жизни.

Богатые государства внедряют в общественный дискурс идею своей исключительности на иных основаниях: это понятия «мягкая сила», «культурное превосходство», «государственная исключительность», «моральное право на применение силы в целях продвижения демократии» и т.п.¹ Это не просто достойно сожаления, но и чрезвычайно опасно для мира в отличие от вызывающих улыбку потуг бедных стран, носящих преимущественно компенсаторный характер.

В России также существуют философские и политические течения националистического свойства, но они не являются доминирующими. Это особенно важно при раскрытии существенных факторов, обуславливающих необходимость сохранения национального и государственного единства. Исходным для имплементации основных положений доктрины конституционного патриотизма в российский дискурс является понимание, что в России конституционный патриотизм не может носить «национального» (этнического) характера. Это с неизбежностью общенациональный конституционный патриотизм, предполагающий утверждение общих взглядов и ценностей.

¹ «Последняя и лучшая надежда человечества» (А. Линкольн), «лидер свободного мира», «незаменимая страна» (М. Олбрайт, Х. Клинтон), «исключительная страна» (Б. Обама), «империя свободы» (Т. Джефферсон), «сверкающий град на горе» (Р. Рейган), «величайший дар из всех, что мир получил за много столетий, а то и за всю историю» (М. Хирш) — в таких эпитетах обыгрывается мировоззрение национальной американской исключительности (англ. *american exceptionalism*). «Отрицание американской исключительности означает по сути отрицание сердца и души этого народа» (М. Хакаби).

Из школьной программы русской литературы нас преследует некрасовское «поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан» («Поэт и гражданин», 1856). Однако Николай Некрасов в понятие «гражданин» вкладывал совершенно иное, объединяющее содержание, а не то, которое нашло свое закрепление в Законе «О гражданстве Российской Федерации» в редакции 2002 года. Речь не о наличии одинаковых паспортов в карманах. Это русский язык и русская культура, в которую вошли культуры многих этносов страны, это история и традиции, в конце концов, это тысячелетняя государственная традиция, набор ценностей и образ жизни. Нюанс различий «русский» и «российский» — это внутренняя дискуссия, непереводаемая ни на один из языков мира.

Согласно Европейской конвенции о гражданстве 1997 года, «гражданство» означает устойчивую правовую связь между отдельным лицом и государством и не указывает на этническое происхождение этого лица. Особенно важно это признание для России — страны полиэтнической, многоконфессиональной. Мы привыкли рассматривать пестроту этнической картины России, ее многоконфессиональность как благо, богатство, преимущество. С этим трудно спорить. Но нельзя не понимать, что эти факторы значительно осложняют управление и выработку оптимальной культурной государственной политики, значительно повышают ответственность власти за принимаемые решения.

Главный союзник России — история ее государственности. При всех сложностях расширения территориальных пределов Российского государства (не будем лукавить, храм Василия Блаженного на Красной площади построен не в ознаменование подписания договора о распределении полномочий и предметов ведения между феодальными Москвой и Казанью), Россия никогда не знала межнациональных и религиозных войн. Терпимость, если угодно, толерантность были свойственны народам России не столько по доброте душевной, сколько как подсознательное ощущение, что иное ведет к войне и гибели государства. Есть у России и негативный опыт: отход от принципа единства в начале XX века, формальным выражением которого стал Союзный договор 1922 года, который неминуемо

привел к розни, взаимным упрекам и в итоге к разрушению государства 70 лет спустя.

Единство возможно только при наличии скрепляющего все это многообразие стержня. И этот стержень не в чистоте крови, а в психологической совместимости.

Другим конституционно-правовым феноменом, который нуждается в расстановке четких акцентов, является трактовка российской гражданской нации. Упрощая, можно сказать, что речь идет о поиске компромисса между «русской нацией» и «российской нацией». Конституционный патриотизм в России невозможен в версии «русского национального конституционного патриотизма», а только и исключительно в версии «российского культурного патриотизма».

Подобный подход нашел нормативное закрепление в Указе Президента Российской Федерации В. В. Путина от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»: при разработке национальной программы в сфере культуры правительству поручено «обратить особое внимание на необходимость... укрепления российской гражданской идентичности на основе духовно-нравственных и культурных ценностей народов Российской Федерации».

Послесловие «Не слишком ли хороши устремления конституционного патриотизма, чтобы быть правдой?»¹

В репертуар Поля Робсона (Paul Robeson) вошли две песни, схожие по политической тональности и ссылкам на основные законы двух стран: советская «Широка страна моя родная» и американская «The House I Live In»:

Широка страна моя родная,
Много в ней лесов, полей и рек.
Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек!
За столом никто у нас не лишний,
По заслугам каждый награжден.
Золотыми буквами мы пишем
Всенародный сталинский закон.
Этих слов величие и славу
Никакие годы не сотрут:
Человек всегда имеет право
На ученье, отдых и на труд!²

¹ Are constitutional patriotism's aspirations too good to be true? *Breda V. Constitutional Patriotism: A Reasonable Theory of Radical Democracy?* // Selected Works. Retrieved 6. November 2014. P. 14.

² Стихи «Песня о Родине» были написаны В. Лебедевым-Кумачом в 1935 г., после принятия Конституции СССР 1936 г. текст был дополнен куплетом с упоминанием «всенародного сталинского закона». В 1950-е гг. куплет перестал исполняться.

Что Америка для меня?
 Название, место на карте или же флаг, что я вижу,
 Некое слово, демократия,
 Что Америка для меня?
 Слова старого Эйба Линкольна,
 Джефферсона и Пейна
 Вашингтона и Дугласа
 и задачи, которые еще остаются¹.

Вряд ли авторы американского хита опирались на советский первоисточник. Родство посылов и пафосов процитированных куплетов лишь демонстрирует схожесть двух таких разных государств и наций в двух (применительно к рассматриваемому вопросу) аспектах.

Во-первых, как уже отмечалось, в основу формирования американской нации в силу ее исторической молодости и возможности начать историю на новом месте с чистого листа не были положены признаки единства истории, языка, культуры, религии, о которых шла речь при рассмотрении понятия «культурная нация» (нация через единство культуры). Эти обстоятельства предопределили выбор, который был сделан в пользу позиционирования ценностного единства как основы формирования новой нации. Концентратом набора ценностей выступила американская Конституция.

Советская власть также предприняла попытку отказаться от истории, начать с чистого листа, но что в таком случае должно было объединить неподсчитанные этносы, сформировавшие союзные и автономные республики, число которых регулярно менялось? Безусловно, коммунистическая идеология, но до победы коммунизма и отмирания государства советскому человеку придется жить в государстве, основным законом которого опять же является Конституция, советская Конституция.

Во-вторых, очевидна близость политических задач, стоявших перед советскими и американскими деятелями культуры

¹ Текст песни «The House I Live In» имеет несколько версий: первая прозвучала в одноименном фильме 1945 г. в исполнении Ф. Синатры, версия в исполнении П. Робсона на слова А. Льюиса записана на студии Columbia Records в 1947 г.

в 1930–1940-х годах. Каждая сторона идеологического противостояния, впоследствии плавно перешедшего в холодную войну, стремилась не только к экономическому, военному, политическому превосходству, но и к представлению человечеству формата образа жизни, включающего некие перечни ценностного, потребительского, культурного свойства. Словосочетания «советский образ жизни», «американский образ жизни» превратились в устойчивые политологические понятия. Культура патриотизма (как воспитание любви к родине) в обеих странах превратилась в идеологию патриотизма, которая и сформировала целые пласты национальных культур, которые включали и проходные низкопробные, и произведения высочайшего уровня, что не отменяет их прикладного политического звучания.

И американская, и советская идеологии патриотизма предполагали не просто лояльность, но и верность, желательную как можно более наглядно демонстрируемую, тем ценностям, которые были положены в их основу. Преследование инакомыслящих в СССР и маккартизм в США основывались на одинаковых страхах и подозрениях в недостаточной верности граждан проповедуемым на государственном уровне ценностям, без которых им отказывали в признании патриотами, тем самым наглядно подтверждая истинность позиции Б. Яка:

Похоже, что сосредоточение на политических принципах как основе коллективной верности может сделать нас более, а не менее подозрительными по отношению друг к другу... Если единственная причина, почему мы доверяем друг другу, — это приверженность определенным политическим принципам, то выявление подлинности или неподлинности выбора друг друга будет заботить нас гораздо больше, чем сейчас¹.

Противостояние советского и американского образов жизни завершилось безоговорочной победой заокеанской версии. Предопределенность исторического поражения Советского Союза стала очевидной не тогда, когда в середине 1980-х годов страна не могла более обеспечивать военно-экономический паритет с За-

¹ Як Б. Национализм и моральная психология сообщества / пер с англ. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. С. 74.

падом, а многим ранее, в середине 60-х, когда Россия — СССР перестала поставлять на мировой культурный рынок символы и легенды. Набивший оскомину перечень из балета, цирка и космоса тем не менее обеспечивал культурный фон утверждения страны в качестве великой державы. Если американцы и выиграли холодную войну, то не ядерными ракетами, а кока-колой и «массовой культурой». И сегодня государство, претендующее на роль мировой державы, обязано предоставить миру свое видение культурной, ценностной перспективы, пусть спорное и далеко не общепризнанное.

Коммунистическая идеология в развитых странах перешла в разряд политического андеграунда. Напротив, ценностный (конституционный) патриотизм предстает в виде перспективного и применимого к различным государственным сообществам концепта.

При этом исключительно желательно избежать перерождения доктрины конституционного патриотизма в идеологию. Практической реализацией подобного перерождения неизменно станут доносы на соседей и сослуживцев, которые в понимании их авторов недостаточно преданы конституционным ценностям и не столь яростно им следуют. Не начнется ли соревнование в стиле выдержки из статьи В. Г. Белинского «Литературные мечтания. Элегия в прозе» (1834), ставшей широко известной после прочтения в качестве монолога Татьяной Дорониной в фильме «Старшая сестра» (1966)?!

Например, так:

Конституция!.. (Подчеркивание мое, в оригинале вместо слов «конституция» речь идет о театре.— *Прим. авт.*) Любите ли вы конституцию так, как я люблю ее, то есть всеми силами души вашей, со всем энтузиазмом, со всем исступлением, к которому только способна пылкая молодость, жадная и страстная до впечатлений изящного? Или, лучше сказать, можете ли вы не любить конституции больше всего на свете, кроме блага и истины? И в самом деле, не сосредотачиваются ли в нем все чары, все обаяния, все обольщения изящных искусств? Не есть ли она исключительно самовластный властелин наших чувств, готовый во всякое время и при всяких обстоятельствах возбуждать и волновать их, как воздымает ураган песчаные метели в безбрежных степях Аравии?..

Научное издание

Серия «Научные доклады: государство и право»

Заказное издание

Игорь Нязбеевич Барциц

Конституционный патриотизм

Четыре европейские реинкарнации и российская версия

Выпускающий редактор *Е. В. Попова*

Корректор *Ф. Н. Морозова*

Художник *В. П. Коршунов*

Оригинал-макет *О. З. Элоев*

Верстка *Н. А. Кильдишевой*

Подписано в печать 0000.11.2018. Формат 60×90/16.
Гарнитура PT Serif. Усл. печ. л. 5,75. Тираж 500 экз. Заказ № 1183

Издательский дом «Дело» РАНХиГС
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Коммерческий центр: тел. (495) 433-25-10, (495) 433-25-02
www.ranepa.ru
delo@ranepa.ru

Интернет-магазин
www.delo.ranepa.ru

Отпечатано в типографии РАНХиГС
119571, Москва, пр-т Вернадского, д. 82